

ГЛОБАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ

9.1

3 выпуска в год на 17 языках

Новые направления
глобальной социологии

Сари Ханафи

Проект классового анализа в г. Йена

Пабло Перес

Родольфо Эльберт

Светлана Ярошенко

Нгай Лин Сум

Таня Муррей Ли

Рут Патрик

Ричард Йорк

Бретт Кларк

Исследования
класса и неравенства

Джеймс К. Голбрейт

Клаус Дёрре

Эрик Пино

Федерико Демария

Анна Заафе-Харнак

Коринна Денглер

Барбара Мурака

Гавриил Сакелларидис

Хорхе Рохас Эрнандес

За пределами
парадигмы роста?

Теоретические перспективы

Ариэль Саллех

Правый
популизм

Лена Лавинас

Гильерми Лейти Гонсалвес

Айсе Бугра

Рамиру К. У. Кагиану Бланку

Наталия Тереза Берти

Юстына Кайта

Открытый раздел

- > Вдохновляясь трудами Марии Яходы
- > Трудовые отношения в Португалии
- > Представляем бенгальскую команду переводчиков

ЖУРНАЛ

International
Sociological
Association
isa

ТОМ 9 / ВЫПУСК 1 / АПРЕЛЬ 2019
<http://globaldialogue.isa-sociology.org/>

ГД

> От редакторов

На XIX Всемирном социологическом конгрессе МСА в Торонто (Канада) в июле 2018 года Сари Ханафи был избран новым президентом Международной социологической ассоциации. Этот первый в 2019 году выпуск Глобального диалога открывает его статья, представляющая теоретические задачи МСА в ближайшем будущем. Ханафи выступает за объединение постколониального и поставторитарного подходов и развитие дискуссии, посвященной новой парадигме социологического плюрализма в эпоху множественных современностей.

С ростом правых популистских партий во всем мире новое звучание приобретают социологические дебаты по классовой проблематике. Первая дискуссия в настоящем номере журнала раскрывает возобновившийся интерес к вопросам формирования классовых границ и классовых отношений и включает статьи, посвященные исследованиям классового неравенства в Латинской Америке, США, Германии и Юго-Восточной Азии. Наряду с обзором исследований в дискуссии поднимаются вопросы о последствиях роста бедности и социального неравенства.

На протяжении десятилетий проблема экономического роста является ключевой для большинства видов экономической деятельности, так же как и для политических инициатив и научных дискуссий. В последние годы все большее число активистов, а также социологов и экономистов присоединяются к дебатам о пределах экономического роста. Они обсуждают будущее и, в некоторых регионах, возможные ограничения устойчиво высоких темпов роста, а также экологически и социально разрушительные последствия этого одностороннего фокуса на увеличение ВВП. В дискуссиях учёных и активистов также рассматриваются возможные альтернативы, и

особое внимание уделяется концепции «антироста». Статьи второй дискуссии посвящены анализу дебатов о вопросах будущего экономического роста и его возможной альтернативе.

Ориентируясь на современную глобальную сцену, Ариэль Саллах в своей теоретической статье предлагает новый подход к классовому анализу в социологии. Она выделяет новый репродуктивный класс, включающий матерей, крестьян и собирателей, объединенных общими материальными навыками, дающими возможность обеспечить жизнь на Земле. Размышляя над историей дискуссии, связанной с экофеминизмом, она призывает к критической социологии и необходимости применения концепции воплощенного материализма.

Крах многих левых правительств Латинской Америки совпадает с подъёмом правых, иногда авторитарных, правительств в других регионах мира. Учёные из Бразилии, Колумбии, Турции и Польши исследуют исторические и политические тенденции в развитии правого популизма.

Открытый раздел этого номера журнала включает три статьи. Йоханн Бахер, Юлия Хофманн и Георг Хубман представляют недавно опубликованную докторскую диссертацию Марии Яходы и напоминают нам, какие уроки мы, как социальные учёные и политически заинтересованные граждане, можем извлечь из её жизни и работы. Элисиу Эштанке и Антониу Казимиру Феррейра проводят обзор новой политической и трудовой конфигурации в Португалии в период пост-«Тройки», а бенгальская команда Глобального диалога представляет себя и свою работу. ■

Бригитте Ауленбахер и Клаус Дёрре,
редакторы «Глобального диалога»

> «Глобальный диалог» доступен на 17 языках на [сайте МСА](#).

> Присылайте статьи на адрес globaldialogue.isa@gmail.com.

**GLOBAL
DIALOGUE**

> Редакторский совет

Редакторы: Бригитте Ауленбахер, Клаус Дёрре.

Заместители редакторов: Йоханна Грубнер, Кристине Шикерт.

Младший редактор: Апарна Сундар.

Исполнительные редакторы: Лола Бусуттил, Август Бага.

Консультант: Майкл Буравой.

Медиаконсультант: Густаво Танигути.

Редакторы-консультанты:

Сари Ханафи, Джеффри Плейерс, Филомин Гутьеррес, Элоиза Мартин, Савако Ширахасэ, Изабела Барлинска, Това Бенски, Чи-Чжоу Джей Чэнь, Ян Фритц, Коичи Хасэгава, Хироши Ишида, Грэйс Кхуноу, Эллисон Локонто, Сьюзан МакДэниел, Элина Оинас, Лаура Осо Касас, Бандана Пуркаяста, Рода Реддок, Мунир Сайдани, Айше Сактанбер, Сели Скалон, Назанин Шахрокни.

Региональные редакторы

Арабский мир: Сари Ханафи, Мунир Сайдани.

Аргентина: Хуан Игнасио Пиовани, Алехандра Отаменди, Пилар Пи Пуиг, Мартин Уртасун.

Бангладеш: Хабибул Хаке Хондкер, Хасан Махмуд, Джувель Рана, У. С. Рокеев Ахтер, Туфика Султана, Асиф Бин Али, Хайрун Нахар, Кази Фадия Эша, Хелаль Уддин, Мухаймин Чаудхури, Мухаммед Юнус Али.

Бразилия: Густаво Танигути, Андреса Гальи, Лукас Амараль Оливейра, Бенно Варкен, Анжело Мартинс Младший, Дмитрий Сербонсини Фернандес.

Индия: Рашми Джайн, Прагья Шарма, Нидхи Бансал, Сандип Мил.

Индонезия: Каманто Сунарто, Хари Нугрохо, Лучия Ратих Кусумадеви, Фина Итрия, Индера Ратна Иравати Паттинасарани, Бенедиктус Хари Джулиаван, Мохаммад Шохибуддин, Домингус Элчид Ли, Антониус Арио Сето Харджана, Диана Тереза Пакаси, Нуруль Айни, Гегер Риянто, Адитья Прадана Сетиади.

Иран: Рейханех Джавади, Нияйеш Долати, Сина Бастани, Сайед Мухаммад Муталлеби, Вахид Ленджанзаде.

Казахстан: Айгуль Забировова, Баян Смагамбет, Адиль Родионов, Алмаш Тлеспеева, Куаныш Тель, Алмагуль Мусина, Акнур Иманкул.

Польша: Якуб Баршевский, Катажина Дембская, Анна Дульны-Лещинская, Кшиштоф Губаньский, Моника Хеляк, Сара Герчиньская, Юстына Кошиньская, Луция Ланге, Ига Лазиньская, Адам Мюллер, Вероника Пек, Зофия Пенза-Габлер, Джонатан Сковил, Марцьянна Щепаняк, Агнешка Шипульская, Анна Томаша, Матеуш Войда.

Россия: Елена Здравомыслова, Анастасия Даур, Валентина Исаева.

Румыния: Косима Ругиниш, Раиса-Габриэла Замфиреску, Лучана Анэстэсоайе, Костинель Ануца, Мария Лоредана Арсене, Диана Александра Думитреску, Раду Думитреску, Юлиан Габор, Дан Гытман, Александра Иримие-Ана, Юлия Джугэнару, Йоана Мэлурия, Бьянка Михэйлэ, Андрея Елена Молдовяну, Рареш-Михай Мушат, Оана-Элена Негря, Мьоара Параскив, Алина Кристина Пэун, Кодруц Пынзару, Сусана Мария Попа, Адриана Соходоляну, Елена Тудор.

Тайвань: Чжин Мао Хо.

Турция: Гюль Чорбаджоглу, Ирмак Эврен.

France/Spain: Лола Бусуттил.

Япония: Сатоми Ямамото, Сара Маэхара, Масатака Эгучи, Рихо Танака, Мариэ Ямамото.

В этой программной статье новый президент МСА **Сари Ханафи** обсуждает перспективы развития ассоциации на ближайшие годы. Он призывает к развитию парадигмы плюрализма, которая может способствовать глобальному социологическому диалогу.

Экономический рост является основой экономического процветания в западном мире, однако рост товарного производства угрожает экологическому балансу планеты. В этом разделе авторы из разных стран обсуждают роль экономического роста в современных обществах, его проблемы, а также альтернативные представления, выходящие за пределы этой устойчивой парадигмы.

Уход с политической сцены Латинской Америки многих левых правительств совпадает с подъемом правого популизма во многих регионах мира. Часто это сопровождается авторитарными и популистскими тенденциями. В этом разделе ученые из Бразилии, Колумбии, Турции и Польши исследуют исторические и политические условия **правого популизма**.

«Глобальный диалог» стал возможен благодаря щедрому гранту **SAGE Publications**.

> В номере

От редакторов 2

> РАЗГОВОР О БУДУЩЕМ СОЦИОЛОГИИ

Глобальная социология: навстречу новым направлениям
Сари Ханафи, Ливан 5

> ИССЛЕДОВАНИЯ КЛАССА И НЕРАВЕНСТВА

В защиту глобального диалога о классе
Проект классового анализа в Йене, Германия 8

Классы и классовые интересы в Латинской Америке
Пабло Перес, Чили, Родольфо Эльберт, Аргентина 10

Бедность и социальное исключение в постсоветской России
Светлана Ярошенко, Россия 12

Люмпен-пролетариат и городские субалтерны в Китае
Нгай Лин Сум, Великобритания 14

Классовая формация и аграрный капитализм
Таня Муррей Ли, Канада 16

Реформа социальной политики в Великобритании:
авторский жизненный опыт и сопротивление
Рут Патрик, Великобритания 18

Класс и экология
Ричард Йорк, Бретт Кларк, США 20

> ЗА ПРЕДЕЛАМИ ПАРАДИГМЫ РОСТА?

Эффект ошейника: капитализм за пределами быстрого роста
Джеймс К. Голбрейт, США, Клаус Дёрре, Германия 23

Условия экономического построста
Эрик Пино, Канада 25

Антирост: призыв к радикальной социально-экологической
трансформации
Федерико Демария, Испания 27

Феминизм и антирост: альянс различий
или общие основания?
Анна Заафе-Харнак, Коринна Денглер, Германия,
Барбара Мурака, США 29

Проблемы стратегии антироста: пример Греции
Гавриил Сакелларидис, Греция 31

Чили: от неолиберализма к обществу построста?
Хорхе Рохас Эрнандес, Чили 33

> ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Экофеминистская социология как новый классовый анализ
Ариэль Саллах, Австралия 35

> ГЛОБАЛЬНЫЙ ПОДЪЁМ ПРАВОГО ПОПУЛИЗМА

Бразилия-2018: Средние классы смещаются вправо
Лена Лавинас и Гильерми Лейти Гонсалвес, Бразилия 38

Популизм, идентичность и рынок
Айше Бугра, Турция 40

Правый популизм в Латинской Америке:
личный интерес превыше социального блага
Рамиру Карлос Умберту Кагиану Бланку, Бразилия,
Наталия Тереза Берти, Колумбия 42

Радикальный национализм как новая польская контркультура
Юстына Кайта, Польша 44

> ОТКРЫТЫЙ РАЗДЕЛ

Вдохновляясь трудами Марии Яходы
Йоханн Бахер, Юлия Хофманн,
Георг Хубманн, Австрия 47

Трудовые отношения и социальный диалог в Португалии
Элисиу Эштанке, Антониу Казимиру Феррейра,
Португалия 49

Представляем бенгальскую команду «Глобального диалога» 51

“Очень важно, чтобы некоторые социологические понятия, такие, например, как концепция прав человека, претендовали на универсальность. Однако я считаю, что признание всеобщего характера конкретных социологических понятий может осуществиться только благодаря консенсусу, достигнутому в ходе многостороннего кросскультурного диалога, а не путём универсализации ценностей евро-американского контекста”

Сари Ханафи

> Глобальная социология: навстречу новым направлениям

Сари Ханафи, Американский университет Бейрута, Ливан, президент Международной социологической ассоциации (2018–2022)

Сари Ханафи, президент Международной Социологической Ассоциации.

Поскольку я осторожно (на самом деле!) отношусь к антагонистическим бинарным категориям (таким, как: традиция/современность, Восток/Запад, универсализм/контекстуализм и т. д.), я выступаю за диалог разных социологий. *Социологии в диалоге* — таково было фактическое название Четвертой конференции Совета национальных ассоциаций MCA. Такое же название получил сборник статей по итогам конференции, готовящийся к публикации издательством SAGE (ред. Чин Чун И и Сари Ханафи). Очень важно, чтобы некоторые социологические понятия, такие, например, как *права человека*, имели статус универсальных. Однако я считаю, что признание всеобщего характера конкретных социологических понятий может осуществиться только благодаря консенсусу, достигнутому в ходе многостороннего кросскультурного диалога, а не путем универсализации ценностей евро-американского контекста. Позвольте мне привести в качестве примера понятие демократии. Является ли демократия универсальной? Да, это так. Но не в качестве модели для экспорта, как показал Флоран Генар (Florent Guénard 2016), и не как телеологическая концепция, а как исторический опыт, который приобрёл нормативность благодаря распространению, в особенности начиная с 1980-х годов в Латинской Америке, затем в Восточной и Центральной Европе, и, наконец, в некоторых странах арабского мира. Таким образом, универсальным является воображаемое стремление к демократии, следы которого обнаруживаются в лозунгах свободы, справедливости и достоинства, формулируемых ее сторонниками. Этот нормативный универсализм необременителен и не препятствует существованию того, что Армандо Сальваторе обозначил как «разные модели гражданственности» (Armando Salvatore 2016).

Я полагаю, что анализ производства социального знания не должен ограничиваться постколониальным подходом, который фокусирует внимание на задачах эмансипации от колониальных условий и сопротивлении гегемонии западного знания. Постколониальная перспектива должна быть дополнена тем, что я называю «поставторитарным подходом». Это означает, что при изучении механизмов производства социального знания необходимо учитывать не только влияние колониализма, но и воздействие локального авторитаризма.

> В направлении поставторитарного подхода

Нельзя не признать негативные последствия колониальной эпохи. Они все ещё дают о себе знать: калечат одних и напоминают другим о тех путях, которых мы стремимся избежать. Однако постколониальный подход, который так много вни-

В июле 2018 года в Торонто на конгрессе Международной социологической ассоциации (MCA) я удостоился чести быть избранным её президентом. В настоящей статье я хотел бы изложить своё программное выступление в качестве кандидата на эту должность. Предлагаемая программа состоит из трёх пунктов и касается диалога социологий, продвигающихся в направлении к поставторитарному подходу, и нынешнего кризиса теории секуляризации.

> Социологии в диалоге

Из двадцати предыдущих президентов MCA только двое не были гражданами Европы и Северной Америки, и я — третий. Я вступаю в должность, имея за собой личный и профессиональный опыт, который повлиял на мое понимание социологии и стоящих перед ней современных задач. Я учился в университетах Сирии и Франции, работал в различных академических институтах в Египте, Палестине, Франции и Ливане. Этот опыт позволил мне познакомиться с многочисленными дискуссиями, развернувшимися в разных контекстах.

мания уделяет внешним факторам, а внутренние локальные условия оставляет без внимания, можно применить как во благо, так и во вред. Лексическое родство поставторитарного подхода с постколониальным подсказывает, что сторонники первого могут, по ассоциации, опираться на ряд допущений, лежащих в основе второй категории, особенно в отношении структур власти. Тем не менее, это не означает, что мы свываемся с авторитаризмом или живем в период, когда авторитарное правление осталось позади.

Авторитаризм, исходя из нашей точки зрения, — это не просто тенденция государств действовать недемократично, применяя насильственные методы бюрократии и силовых структур в социальной жизни. На дескриптивном уровне все государства в некоторой степени авторитарны. Это не то государство, в котором суверен имеет право введения чрезвычайного положения (как считает Карл Шмитт). Мы знаем, что все государства переживают «моменты» чрезвычайности или исключения и следуют авторитарным практикам. В 2018 году Грэм Харрисон следующим образом сформулировал определение авторитаризма: авторитаризм характеризуется систематическим устранением подотчётности государства перед общественностью, устранением участия общества в государственных решениях и значительной централизацией исполнительной власти в руках бюрократии (Graham Harrison 2018).

Существуют разные уровни авторитаризма: один уровень охватывает идеологический режим; другой — политико-экономическую систему; и третий — уровень отдельной личности.

> Ужесточение авторитаризма

Основная идея знаменитой книги Норберта Элиаса «О процессе цивилизации» заключается в том, что общества развиваются через регресс индивидуального насилия (умиротворение нравов). Однако в наши дни мы являемся свидетелями того процесса, который Жозефа Ларош назвала «возвращением репрессий» (Josephha Laroche 2017), а Джордж Мосс (George Mosse 1991) — «брутализацией», тем самым подчеркивая эрозию цивилизационного процесса. Как известно, государственные структуры в лице полиции и аппарата вооруженных сил являются основными акторами, которые осуществляют брутализацию общества. Однако в течение последнего времени мы наблюдаем рост влияния негосударственных акторов. Таким примером для меня, человека, который имеет опыт жизни в Сирии и Ливане, является ИГИЛ и другие сектантские и интерстициальные акторы, которые действуют в обход государства, создавая общинную солидарность. Однако следует также подумать и о глобальных негосударственных акторах, таких как многонациональные компании и финансовые рынки, которых Джеймс Розенау (James Rosenau 1990) называет «акторами, независимыми от суверена» (*sovereign-free actors*). Тем не менее, негосударственные акторы редко действуют без согласия и содействия со стороны государств. Существование ИГИЛ не было бы возможным без полного закрытия политического пространства сирийской правящей элитой или чрезвычайно религиозного иракского режима. Государственные и негосударственные акторы не только содействуют брутализации отдельных обществ, но и предвещают глобальную брутализацию, свидетелями и вовлечёнными участниками которой мы сегодня являемся. Более того, в Сирии, Ливии и Йемене война приводит к «брутализации политики», когда реализация политических мер становится сложной без использования насилия.

По словам Ларош, процесс брутализации (ужесточения) начинается с разрушения социальных связей и солидарности, ведущей к отчуждению и исключению таких категорий, как бедные и иностранцы из национальных диаспор и делает возможным повседневно насилье по отношению к ним, которое в конечном итоге становится распространенным в обществе.

> Неолиберальный авторитаризм

Взаимодействие экономического и политического приводит к появлению своеобразной политико-экономической конфигурации, которую я называю неолиберальным авторитаризмом. Однако эта новая конфигурация является не просто сочетанием, а скорее неким новым результатом выражения неолиберализма и авторитаризма, которое во многих отношениях изменяет эти паттерны власти и управления.

Мы знаем, что неолиберализм приводит к широкому распространению социально-экономической несправедливости и росту бедности. Тем не менее, совершенно новым является систематическое и целенаправленное применение централизованной власти и принудительных мер государства для осуществления капиталистических преобразований в тех обществах, где класс капиталистов слаб и не является господствующим. Если классическое капиталистическое общество, как правило, создавало систему господства посредством демократического политического режима, то во многих периферийных обществах, а также западных, где класс капиталистов становится меньше и появляется больше конкуренции, это не так. Соотношение социальных сил, лежащих в основе государства, определяется не только классовыми механизмами, как утверждал Никос Пулантас, но также включает расовые и гендерные иерархии, формируемые, в терминологии Анибалы Кихано, колониальным характером власти, имеющим различное выражение во времени и пространстве.

> Авторитарные граждане

Как политическая система, реализуемая государственными и негосударственными субъектами, авторитаризм существует во взаимосвязи с авторитарными гражданами. Авторитарные лидеры подавляют воображение: им нужны машины, которые просто выполняют их команды, а не автономные субъекты, обладающие индивидуальностью. Механизм формирования авторитарного гражданина действует не только со стороны власти, но также вырабатывается в процессе практического мышления.

По словам Мэйв Кук (Maev Cooke), существует две взаимосвязанные составляющие авторитарного практического мышления. Во-первых, это авторитарные концепции знания, допускающие к знаниям лишь привилегированные группы людей. Эти концепции утверждают правоту одной единственной позиции, претендующей на истину и валидность. Эта единственно верная позиция охраняется от влияния истории и контекста и гарантирует безоговорочную обоснованность притязаний на истину и правоту. Во-вторых, существуют авторитарные концепции легитимации, которые препятствуют тому, чтобы нормы и положения, претендующие на истину, обсуждались теми людьми, на которых эти нормы должны распространяться.

С некоторыми, особенно религиозными, людьми, или теми, кто разделяет один из двух названных компонентов автори-

>>>

тарного практического мышления, трудно дискутировать в публичной сфере. Поскольку понятие гражданина подразумевает политическую автономию каждого субъекта, Мэйв Кук утверждает, что граждане должны обладать этической автономией. Такая автономия основывается на интуитивном понимании того, что свобода в своей основе подразумевает возможность формировать свои собственные представления о благе и следовать им. В ходе революции и контрреволюции в арабском мире, а также в дискуссиях о перспективах демократических преобразований, мало внимания уделяется практическому мышлению элиты. Акцент в этих обсуждениях делается почти исключительно на парадигме секуляризации. Считается, что светские политические силы обладают иммунитетом против авторитарного практического мышления, а исламские политические движения по определению склонны к нему. Конечно, это упрощенное видение, которое требует более тщательного изучения, поскольку авторитарных граждан можно обнаружить в обеих элитных группах. Это заставляет меня утверждать, что теория секуляризации действительно переживает кризис и не может объяснить трансформацию отношений граждан с религией.

> Кризис теории секуляризации

Хотя секуляризация по-прежнему является значимым механизмом демократизации и модернизации общества, этот процесс необходимо проблематизировать в пост-секулярной перспективе с тем, чтобы освободить его от некоторых крайних проявлений и патологий. В недавней беседе Джим Спикард, президент Исследовательского комитета МСА по социологии религии (ИК22), отметил, что социология исторически придерживалась теории секуляризации. Дэвид Мартин, Мануэль Васкес и он сам прослеживают зарождение этой теории в интеллектуальной борьбе ранних социологов против реакционной религии во Франции в конце XIX-начале XX века. По мнению Питера Бергера, теория секуляризации, утверждающая, что модернизация сопровождается упадком значения религии, эмпирически фальсифицирована и должна быть заменена более нюансированным плюралистическим видением. Социальный эволюционизм, который характеризовал религию как «прошлое», а социологию как «будущее», сделал тезис секуляризации преобладающим в нашем мышлении. Вследствие этого публичное возрождение религии в 1980-х и 1990-х годах было немедленно квалифицировано как «фундаментализм» и «реакция против современности». По словам Ульрики Попп-Байер, новую дискуссию сформировали три идеально-типических метанарратива. Первый — это нарратив об *упадке* религиозных аффилиаций, практик и верований ввиду распространения научного мировоззрения. Второй — дискурс *трансформации*, выдвигающий аргументы в защиту «невидимой религии», «имплицитной религии», «веры без принадлежности», «заместительной религии», «превращения религии в правовой дискурс». В последние годы все заметнее становится особый дискурс «о духовности», подразумевающей метаморфозы социальной формы религии в контексте более общих культурных и социальных изменений, связанных с индивидуализацией и субъективизацией. Третий метанарратив фокусирует внимание на подъеме религиозного сознания и связывает витальность верований с религиозным плюрализмом и рынком конкурирующих религиозных течений. В случае ислама подъем религиозности связывают с радикализмом и даже с терроризмом.

Для анализа различных интеллектуальных традиций, народных религий и их институциональных носителей, которые приводят к появлению различных форм религии и религиозности в современном обществе нам необходимо выйти за рамки клише, обозначающих некоторые географические регионы как религиозные или секулярные. В социологической дискуссии необходимо исследовать роль религии в демократических институтах и в публичной сфере. Граждане не в состоянии представить моральные основания своих политических убеждений, отделив их искусственно от своих религиозных представлений (как показывает Джон Ролз). Даже концепция плюрализма мнений, развиваемая Хабермасом, признает значимость религии в публичной сфере. Плюрализм в публичной сфере означает, что религиозные сообщества должны вовлекаться в герменевтическую саморефлексию, чтобы выработать эпистемологическую позицию по отношению к притязаниям других религий и мировоззрений, к светскому знанию, в особенности научной экспертизе, и по отношению к приоритету светской аргументации в политической сфере. Однако действительно ли возможно отделить «религиозные» основания действия от «светских»? Такие исследователи, как Даррен Вальхоф (Darren Walhof 2013), отмечают, что «богословие, политика и идентичность религиозной общины связаны друг с другом, поскольку религиозные лидеры и граждане применяют и переформулируют свои теологии в новых политических контекстах».

Тем не менее, слияние права, религии, политики и общества привело к некоторым проблемным результатам, например, к развитию сектантства. В конфликтных регионах, таких как Ближний Восток, сектантство является одним из главных факторов конфликтогенности, но вместе с тем оно выступает и механизмом формирования локальной идентичности, создавая, в терминологии Азми Бишара (2017), «воображаемые секты». В той же логике Израиль недавно принял закон, провозглашающий, уникальное право евреев на национальное самоопределение, продолжая при этом политику апартеида в Израиле и на палестинских территориях.

> Заключение

Рост «нелиберальных демократий» и посягательство некоторых устойчивых демократий на гражданские права и свободы, побуждает МСА к осмыслению страхов и чувств, которые сегодня испытывают многие люди во всем мире. Ханна Арендт утверждала, что тоталитаризм порожден сочетанием внешних факторов (империализм, кризис многонациональных империй) и внутренних обстоятельств (антисемитизм и расизм). Рассуждая в том же ключе, я полагаю, что социологи сегодня должны объединить анализ колониализма и авторитаризма. Дискуссия должна формироваться вокруг проблем новой парадигмы изучения религии и плюрализма в эпоху множественных современностей. Это возможно только путём построения более адекватной методологии исследований, позволяющей сочетать анализ микро- и макро-измерений, которые характеризуют глобальную ситуацию сегодня. Таким образом можно будет создать «социологическую теорию за пределами канона» (как предлагает нам заглавие книги под ред. Алатаса и Синхи (Alatas and Sinha 2017)). ■

Адрес для связи: Сари Ханафи <sh41@aub.edu.lb>

> В защиту глобального диалога о классе

Проект классового анализа в Йене (ПКАЙ), Йенский университет, Германия

> Почему нам нужна теория классов: ПКАЙ ищет соратников

Во всем мире в настоящее время наблюдается интенсификация различных форм социального неравенства и рост протестов против этого феномена. При этом глобальная экономика все еще не вышла из кризисного состояния. Это относится даже к центрам капиталистической экономики. Данные официальной статистики за 2017 год показывают, что 19% населения Германии находятся под угрозой бедности или социального исключения. Ряд исследований подтверждает рост социальной поляризации. Одновременно значительные сегменты мировой политики смещаются вправо. На фоне этих трендов мы видим как термин «класс», который — по крайней мере, в Германии — почти полностью отсутствовал в публичных дебатах в течение последних десятилетий, постепенно возвращается в академический и политический дискурс. *Projekt Klassenanalyse Jena* — Проект классового анализа в Йене (ПКАЙ) был недавно запущен в Университете Фридриха Шиллера (Йена). Его задачей является новое осмысление старых дискуссий о классе, развитие классовой теории и создание форума для обсуждения современной классовой политики. В рамках этого проекта мы хотим начать диалог между учеными и активистами на глобальном уровне.

> Зачем говорить «о классе»?

Сила социологических теорий класса заключается в том, что они аналитически осмысливают связи между экономическим, политическим и культурным неравенством. Марксистская традиция классового анализа является критической: она выявляет механизмы, с помощью которых экономическое разделение труда и структуры собственности создают структуры власти и контроля. Для Маркса класс является относительной категорией: класс наемных работников находится в антагонистических конфликтных отношениях с классом капиталистов. В отличие от стратификационных подходов (различающих высшие, средние и низшие классы) или исследований социальной среды (*milieu*) марксистская традиция описывает структурную связь между экономическим положением и условиями жизни, а не просто описывает экономическое неравенство. Такие понятия, как эксплуатация (Маркс), социальное ограждение (Вебер), разделение (Бурдьё) и бюрократический контроль (Райт), являются ключевыми категориями классового подхода и

обозначают вертикальные отношения неравенства. Эти понятия, применяемые к анализу отношений власти, являются одновременно инструментами социальной теории и политическими категориями. Классовый анализ предполагает исследование политической гегемонии, а также изучение нарративных прерогативов, играющих большую роль в культурной и интеллектуальной обработке классовых отношений.

> Новые вызовы

Динамичные и разрушительные социальные изменения современной эпохи ставят перед классовым анализом новые проблемы. Отметим те из них, которые представляются нам ключевыми.

Классовая фрагментация и кризис политической репрезентации

Устойчивые следствия неолиберализма для жизни людей во всем мире ставят новые задачи перед классовым анализом. Фрагментация условий труда и отношений производства все больше дифференцируют трудящийся класс и создают выраженную гетерогенность его состава. Эта тенденция сопровождается концентрацией богатства в руках узкой группы представителей высшего класса с одной стороны, формированием «новых опасных классов» (Гай Стэндинг) и разделением между разными категориями средних классов, с другой. Эти процессы стали плодотворной почвой для идеологии социального разделения и правого популизма. Отсутствие объединенной классовой перспективы на публичной арене и в повседневной политической жизни указывает на феномен «демобилизованного классового общества» (Клаус Дёрре). Этот феномен заключается в том, что классовая динамика продолжает действовать, влияя на жизнь людей, но не выходит на поверхность социального дискурса и фактически не появляется в политическом пространстве под своим именем. Кризис финансового капитализма и политической репрезентации, слабость и защитная позиция левых партий и профсоюзов так же, как следующий из этого распад широкого коллективного сознания, создают возможности политического сдвига вправо. В то же время мы наблюдаем пробуждение сил и организаций на левом фланге в таких странах, как Франция, Португалия, Испания и Греция. Во многих странах Глобального Севера протесты смещаются в сторону проблем миграции. Дискуссия политических левых часто

“Глобальный диалог по проблемам классового анализа позволит нам развить классовую теорию, которая приобретает специфический смысл в конкретных обществах, но также обнаруживает глобальные тенденции”

ограничиваются неверным противопоставлением «класса» и «идентичности». Назовём важнейшие вопросы, которые возникают в такой ситуации:

- Каковы связи между экономическими структурами, политическим сознанием и культурой?
- Каковы связи между классом и другими координатами конфликтных отношений (гендер, миграция и проч.)?
- Какие последствия создают процессы деклассификации и различия для господствующих классов? Какой эффект имеют классовые отношения в условиях, при которых не существует репрезентации классовых интересов в политических организациях?
- Какие классовые фракции господствуют в конкретных обществах и на глобальной сцене и как они выражают свои интересы?

Классово специфичные неравенства и транснациональные классовые отношения

Для стран ОБСЕ характерен рост безработицы, бедности и прекарности, которые сопровождаются стагнацией в оплате труда, длящейся уже целое десятилетие. Разрывы в богатстве и доходе достигают драматичных пиковых величин. Этот тренд настолько выражен, что классовые неравенства становятся препятствиями дальнейшего экономического роста и создают угрозу политической стабильности в основных странах неолиберальной глобализации. На Глобальном Юге в основе классовых конфликтов часто лежат гетерогенные и неформальные экономические отношения, которые включают (частично сосуществующие) плюрализм городских и сельских способов производства. Более того экономики стран Глобального Севера в настоящее время характеризуются тенденциями деиндустриализации. Таким образом мы должны поставить перед собой следующие вопросы:

- Как происходит формирование классов на фоне глобализации и ее кризисов? Какую роль играют отдельные государства в этом процессе? Существуют ли подтверждения существования транснациональных классов?
- Какие формы борьбы могут быть осмыслены как «классовые», а какие не подходят под это определение? Существует ли глобальное сходство или связи между этими различными формами борьбы?
- Как можно описать классы и классовые конфликты на современном Глобальном Юге, где развиты неформализованные экономические отношения?

Экологический кризис

Причины глобального экономического кризиса и попытки его разрешения неразрывно связаны с классовыми отношениями и логикой капиталистического накопления. Устойчивое стремление к экономическому росту и производительности не учитывают экологическую подоплеку этих процессов и их биофизические границы. На самом деле доступ к природным ресурсам и распределение экологических рисков и нагрузок носит классовый характер. Во всем мире бедное население (особенно на Глобальном Юге) несет основную экологическую нагрузку. Число социально-экологических конфликтов почти наверняка в будущем будет возрастать. Современная классовая теория с неизбежностью должна обратиться к систематическому анализу этого процесса и сформулировать ответы на следующие вопросы:

- Каково воздействие экологических нарушений на классовую борьбу?
- Как экологические нагрузки воздействуют на различные классы?
- Какие классы (классовые фракции) переживают социально-экологическую трансформацию?
- Какие классовые интересы препятствуют таким трансформациям?

> Призыв к интеллектуальному обмену

Конечно, существуют и другие вопросы, актуальные для классового анализа, а те, которые мы перечислили, обнаруживаются не в каждом национальном контексте. Мы описали основные тенденции, характерные для современного капитализма. И потому мы призываем к глобальному обмену мнениями по этим проблемам. Глобальный диалог по проблемам классового анализа позволит нам развить классовую теорию, которая приобретает специфический смысл в конкретных обществах, но также обнаруживает глобальные тенденции. Мы ждем от коллег вопросов, обсуждений, сотрудничества и других версий интеллектуального обмена. ■

Адрес для связи: <projekt.klassenanalyse@uni-jena.de>

> Классы и классовые интересы в Латинской Америке

Пабло Перес, Центр исследования социальных конфликтов и сплоченности (ЦИСКИС – CONICET), Университет Альберто Уртадо, Чили; **Родольфо Эльберт**, CONICET, Исследовательский институт им. Джино Джермани, Университет Буэнос Айреса, член ИК 44 по исследованию рабочего движения

Первомайская демонстрация в Сантьяго (Чили), 2018.
Фото: Пабло Перес.

В последние десятилетия латиноамериканские ученые много раз пытались похоронить понятие класса. За редким исключением большинство исследователей считали, что начиная с 1990х гг. неолиберальные политики ослабили рабочий класс до такой степени, что он перестал влиять на динамику социального и политического конфликта в латиноамериканских обществах. В последнее десятилетие, однако, трудящиеся стали игнорировать призывы к прощанию с рабочим классом. Они организуются вокруг проблем занятости, воссоздают профсоюзы и требуют более справедливого распределения доходов. Объединяясь с другими массовыми движениями, трудящиеся Латинской Америки, настойчиво демонстрируют, что класс продолжает быть фактором, объясняющим конфликты и политическое развитие в регионе.

>>

Можно с уверенностью утверждать, что, начиная с 2000х годов, классовый анализ возродился в социологии, благодаря количественным измерениям социально-экономического неравенства (напр., в исследованиях классовой мобильности) и изучению классовых действий (качественная методология). Наша работа вписывается в эту широкую проблематику. Мы рассматриваем класс как объективный механизм, который имеет последствия для субъективности и особенно значим для формирования оппозиционных идентичностей и интересов. Проведенные нами исследования баз данных Программы международного социального опроса (*International Social Survey Programme*) показали, что 9 из 10 жителей Аргентины и Чили идентифицируют себя по принадлежности к социальному классу. Это слишком много для устаревшего понятия. В обеих странах люди, занимающие позицию рабочего класса, рассматривают себя как трудящихся. И это отличает их от тех, кто занимает привилегированные классовые позиции. Мы обнаружили, что степень идентификации с рабочим классом выше в Чили, чем в Аргентине. Это расхождение мы объясняем более высоким уровнем неравенства и концентрации богатства, а также историей «радикальной» партийно-профсоюзной конфигурации в этой стране по сравнению с государственно-корпоративистским паттерном инкорпорации трудящихся в Аргентине.

Мы считаем, что такие исследования могут внести вклад в понимание социального и политического конфликта в регионе, который занимает самые высокие позиции по степени экономического неравенства в мире. Класс не только существует в социальной структуре и идентичностях латиноамериканцев. Он обнаруживает себя в социально-политических интересах населения. Индивиды, принадлежащие к различным социальным классам, думают о мировом устройстве в классовых терминах (гораздо чаще, чем думают некоторые исследователи). Они часто участвуют в политических действиях для защиты своих классовых интересов, подписывая он-лайн петиции, участвуя в выборах, а также в работе профсоюзов или политических партий. Именно поэтому наш новый проект посвящен исследованию отношений между классовой структурой, коллективным действием и классовыми интересами. Мы являемся сторонниками подхода Эрика Олина Райта, который определяет классовое сознание как то измерение сознания, которое имеет классовое содержание и классовые эффекты. Э. О. Райт утверждает, что на микроуровне субъективное понимание классового интереса является основным элементом классового сознания. На основе этого неомарксистского подхода мы изучаем классовые интересы, анализируя способы субъективной оценки капиталистических институтов и социально-классовой динамики, которые предлагают представители различных классов.

Исследования последних лет показывают, что представители рабочего класса склонны критически относиться к капитализму и неравенству; они интерпретируют класс как конфликтное отношение и поддерживают политику перераспределения в большей степени, чем работодатели и менеджеры. Предварительные результаты наших исследований подтверждают эти данные. Если отбросить различия между странами, можно утверждать, что латиноамериканцы, занимающие позиции рабочего класса и вовлеченные в неформальную самозанятость, более критично относятся к неолиберальным институциям, идеям и результатам, чем респонденты, занимающие более привилегированные классовые позиции (эксперты и управленцы). Так, например, они более критично относятся к неравенству в оплате труда или отсутствию государственного регулирования рыночных отношений.

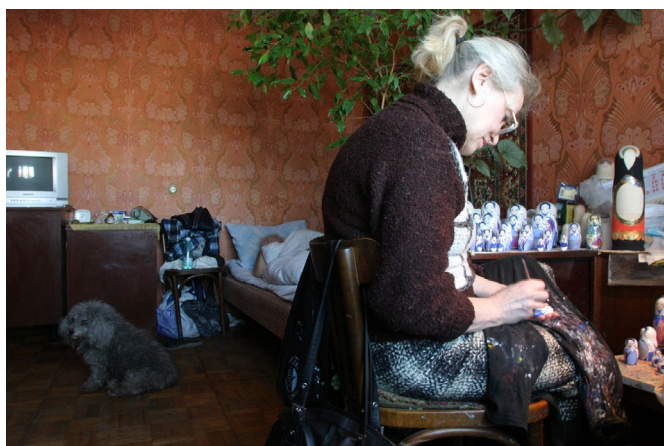
Сейчас мы исследуем коллективные действия как механизм, который способствует осознанию материальных интересов, сформированных классовой позицией. Мы хотим продвинуть менее развитое направление исследований — изучить каузальные отношения между классом, коллективным действием и классовым сознанием. Мы предполагаем, что в тех странах, где недавно произошла радикальная мобилизация (тем, где рабочий класс и массы населения оказывали сильную поддержку левому движению), влияние классовой позиции и участия в коллективных действиях на интересы оказалось сильнее, чем в странах с низким уровнем протеста или там, где трудящиеся остаются исключенными из процессов политической мобилизации.

Мы считаем, что эмпирический классовый анализ чрезвычайно важен не потому, что класс является единственным источником политического активизма в регионе, но потому что перспективы политического проекта эмансипации в Латинской Америке определяются политическим участием рабочего класса. Этот тип социального движения, несомненно, должен развиваться одновременно с мобилизацией против других источников угнетения (и их пересечения). Мы имеем в виду массовые женские протесты и забастовки против *femicidios* (преднамеренного убийства женщин) и в защиту легализации аборта в Аргентине и Чили, а также совсем недавнее движение *#EleNôo* в Бразилии, когда женщины и расово угнетенные группы выступали против роста влияния радикальных правых. В историческом контексте, когда к власти возвращаются правые политические силы, только обладающий ресурсами рабочий класс, который защищает свои классовые интересы в союзе с другими угнетенными группами, сможет создать сильное левое движение, способное остановить неонацизм. ■

Адреса для связи:
Пабло Перес <pperez@uahurtado.cl>
Родольфо Эльберт <elbert.rodolfo@gmail.com>

> Бедность и социальное исключение в постсоветской России

Светлана Ярошенко, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

Работа на дому.
Фото: Солмаз Гусейнова.

Я начала изучать российскую бедность в начале 1990-х гг. Это было время либеральных рыночных реформ, и бедность признавалась в качестве социальной цены радикальной трансформации общества при переходе от советской распределительной системы к капиталистической рыночной системе. Предполагалось, что экономический рост, спровоцированный внедрением рынка, сократит масштабы бедности и число крайне бедных, создаст условия для самостоятельного обеспечения благополучия и независимости от государственной поддержки.

Вопреки оптимистическим прогнозам, несмотря на экономическую стабилизацию в 2000-е гг., бедность сохраняется и, по разным оценкам, к категории бедных можно отнести от 11 до 25% населения. Относительно низкий уровень бедности, фиксируемый официальной статистикой (около 13% в 2017 г.), обеспечивается ужесточением расчетов прожиточного минимума, низким уровнем безработицы за счет расширения неформальной и низкооплачиваемой занятости. Ускоренное развитие больших городов обеспечивалось внутренней, а также внешней, миграцией и бедностью регионов. При этом правительственные эксперты признают, что преимуществами рыночной экономики могут воспользоваться около 40% россиян: это те граждане, чьи доходы увеличились за последние двадцать лет, в то время как у остальных они остались неизменными или существенно сократились. Сохраняется феномен работающих бедных и бедности семей с детьми. Уровень социального неравенства, измеряемый коэффициентом Джини, увеличился с 0,260 в 1991 г. до 0,421 в 2010 г.

Данные лонгитюдного качественного исследования зарегистрированных бедных и массовых опросов горожан в одном из регионов России, проведенных в 2000-е гг. вместе с коллегами из научного центра Республики Коми, показали, как работают механизмы социального исключения. Исследование показало, что значимый вклад в воспроизводство бедности вносят одновременно класс, гендерная позиция и защитные реакции на рынок. Более того для понимания того, какие черты приобретает бедность и как институционально оформляется исключение в постсоциалистических условиях показательна динамика этих характеристик.

Вопреки ожиданиям благотворного влияния саморегулирующегося рынка, расширяется сегмент низкооплачиваемых рабочих мест. Сначала первая волна реструктуризации сферы занятости в 1990-х гг. обернулась сокращением промышленности, расширением торговли и сферы услуг, для которых характерны, как правило, более низкая оплата рабочих мест и минимальные социальные гарантии. Затем пришла вторая волна структурных изменений 2000-х гг., связанная с оптимизацией бюджетной сферы и сворачиванием социальных гарантий (ограничением доступа к нерыночным услугам – образованию, медицинскому обслуживанию). На фоне деиндустриализации, а затем и создания рыночной экономики сервиса, развивалась дискуссия о том, кто больше пострадал от рыночных реформ и кого, соответственно, можно отнести к наиболее нуждающимся: представителей промышленного рабочего класса или бюджетников. Между тем, на результатах количественного исследования мы показали, что рабочие не только первыми испытали негативные последствия рыночного реформирования, но и оказались самой многочисленной группой среди крайне бедных.

Более того, большая часть социально исключенных, к которым мы относим устойчивую группу крайне бедных, оказывается наёмными работниками, занятыми на периферии рынка труда. Не совпадали с ожиданиями и гендерные последствия рыночной трансформации в постсоветском обществе. Согласно данным лонгитюдного качественного исследования зарегистрированных бедных, наблюдается феминизация бедности, люмпенизация мужской части российского бедного населения, и

>>

в половине случаев бедные проживают в одиноких домохозяйствах и не в состоянии поддерживать семейный образ жизни.

Данные начала 2000-х годов показывают, что чем ниже классовая позиция, тем сильнее влияние гендера на вероятность оказаться в бедности. В 2010-е годы нарастало независимое от класса влияние гендерной позиции: одинокие матери разных классов с большей вероятностью испытывали экономические лишения. Иными словами, сокращение социальных выплат и поддержек наемным работникам при реальном социализме, не компенсируется ростом возможностей в развивающемся сегменте экономики. Нарастает давление структурных ограничений: параллельно действуют класс и гендер.

В то время как рыночные отношения распространялись на сферу занятости (производства и воспроизводства), радикально менялась социальная политика. На фоне веры в свободный рынок, однозначной критики реального социализма, распространенной риторики о необходимости освобождения от советского патернализма («неэффективной» и «тоталитарной» советской системы, сформировавшей культуру зависимости от государства) происходит фактическое сокращение социальных обязательств государства обеспечивать базовый уровень благополучия. С 1991 года методика расчетов прожиточного минимума в России менялась трижды и в сторону ужесточения. С начала 1990-х годов минимальная заработная плата перестает соответствовать реальному минимуму материальной обеспеченности¹.

При этом «трудовой» принцип доступа к общим благам сохраняется как ключевой для социальной политики, о чем свидетельствует соотношение минимальной заработной платы, пенсии и пособий на детей с прожиточным минимумом². Тем не менее, рабочее место перестает быть эпицентром распределения благ. На его место становится домохозяйство. Доступ к детским пособиям, жилищным субсидиям и адресной социальной помощи организуется через оценку доходов домохозяйства. Проводится избирательная социальная политика с учетом размера денежных доходов и выполнения ряда требований.

В результате бедность проблематизируется: из феномена жизненного цикла и временного явления, как это было в советское время, она становится проблемой абсолютной и постоянной бедности. Однако условия предоставления социальной помощи не позволяют отобрать наиболее нуждающихся. Среди зарегистрированных бедных только треть — крайне бедные, две трети — работающие, и столько же семей, где основным кормильцем является женщина. Таким образом, адресная социальная под-

держка является компенсацией низкой оплаты труда, а не страхованием от рисков безработицы и бедности.

В условиях продвижения идеологии индивидуальной ответственности за благополучие формируется стратегия приватной защиты индивидов и домохозяйств. Оказалось, что испытывающие нисходящую мобильность мобилизуют все имеющиеся ресурсы и предпринимают невероятные усилия, чтобы избежать бедности и исключения. Накопленные ранее ресурсы мобилизуются для компенсации последствий перестройки оплачиваемой занятости, сворачивания прежней распределительной системы и реализации либерального рыночного проекта. Среди рабочих наблюдается мигрирующая занятость, подработка и фрагментация действий. Для занятых в сфере обслуживания женщин характерны, с одной стороны, ожидание признания, а с другой — приватизация заботы и отчуждение. Пенсия становится компенсацией низкой оплаты труда: среди занятых из числа наших респондентов около трети работающих пенсионеров.

Между тем воронка бедности расширяется: туда, где сначала оказались рабочие, затем попали служащие, а теперь мы говорим и о профессионалах, подверженных нестабильной ситуации. Исследование Т. Лыткиной в одном из депрессивных районов Республики Коми показало, что круги бедности расширяются и уже жители целого города находятся в экономически сложном положении. В таком случае нужно иметь в виду, что возможности и преимущества тех или иных групп в большом мегаполисе формируются в рыночной системе за счет вытеснения на периферию многих других.

В российском обществе тем временем ускоренными темпами реализуется пенсионная реформа, обсуждение которой становится ареной реализации интересов разных групп, а не обсуждением разных вариантов развития страны и того, что хотят российские граждане. Как и в 1990-е годы, российская молодежь выходит на улицы, требуя лучшей жизни для своего поколения. ■

Для написания эссе использованы следующие статьи: Ярошенко С. 2017. Лишние люди, или о режиме исключения в постсоветском обществе // Экономическая социология. 18 (4). С. 60–90; Лыткина Т., Ярошенко С. (в печати) Возможна ли социология для трудящихся классов в России // Мир России.

¹ Лишь с 1 мая 2018 года размер минимальной зарплаты был приравнен к прожиточному минимуму.

² В 2010 году размер прожиточного минимума россиянина составлял 5685 руб., минимальный размер оплаты труда – 4330 руб., минимальная величина пособия по безработице – 850 руб., а максимальная – 4900 руб., пенсия – 6177 руб., стипендия обучающихся за счет средств бюджета – 1340 руб., минимальный размер детского пособия – 2020 руб., а среднемесячная заработная плата – 20952 руб.

Адрес для связи: Светлана Ярошенко <s.yaroshenko@spbu.ru>

> Люмпен-пролетариат и городские субалтерны в Китае

Нгай Лин Сум, Ланкастерский университет, Великобритания

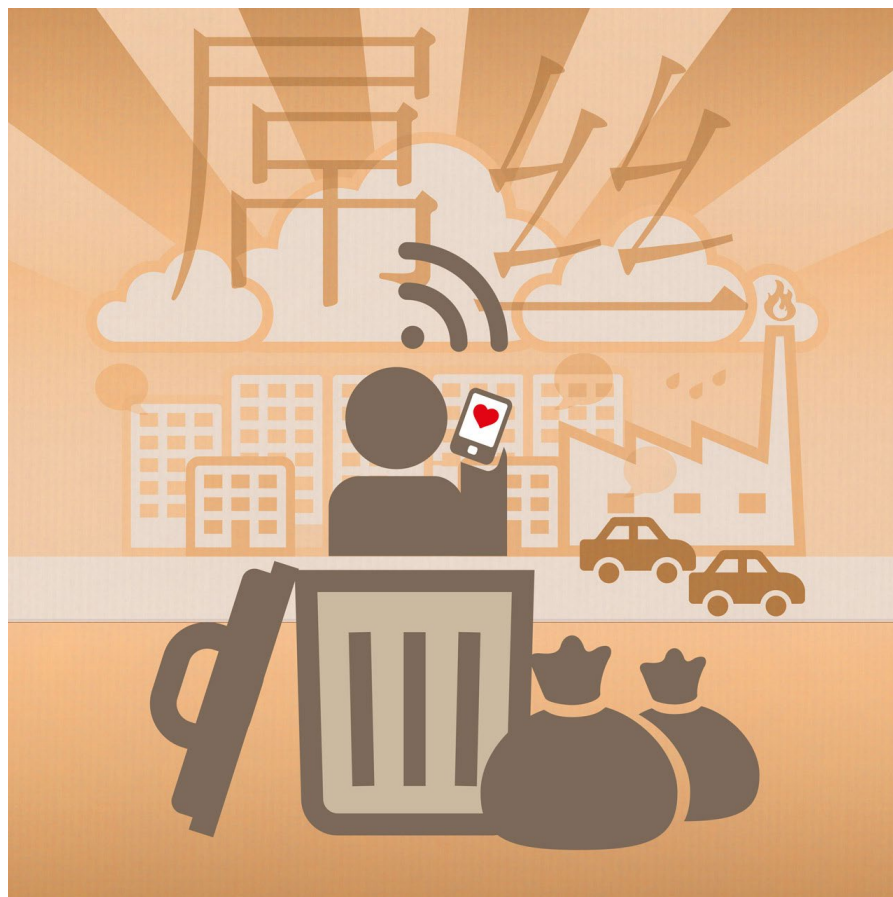

Иллюстрация Арбу.

Маркс и Энгельс использовали термин «люмпен-пролетариат» как описательный, pejоративный и риторический. В современном экономическом и политическом дискурсе сходное место занимает термин «андеркласс», а термин «прекариат» имеет более позитивное звучание. В этой статье рассматривается грамшианский термин субалтерных или подчиненных классов, который отображает многомерную природу эксплуатации, угнетения и маргинальности различных починенных групп, а также обозначает относительную нехватку их автономии, по сравнению с гегемонией господствующих групп. Мое исследование посвящено развитию новой идентичности, обозначаемой термином *дяоси* (лузеры, проигравшие). Я изучаю жизненный опыт бедности и неравенства, который типичен для особого слоя городских бедных, которые появились в Китае после финансового кризиса 2008 года. Дяоси используют социальные медиа для создания личных нарративов и субкультуры, которая подвергает инверсии

гегемонные ценности и нормы, используя юмор, адресованный как вовне, так и в свой собственный адрес.

> Субалтерная идентичность дяоси (лузеров)

Финансовый кризис 2008 года ухудшил условия жизни городского андеркласса, что связано, прежде всего, с ростом безработицы и эффектами городских мегапроектов, основанных на долговых обязательствах и реальном буме недвижимости, порожденными массивированной государственной поддержкой. Рост собственности, основанной на долгах, привел к росту цен на покупку и съем жилья и появлению городов-призраков. Эти процессы сопровождаются ростом занятости прекарных трудовых мигрантов, которые трудились сверхурочно за низкую оплату, не имея права на городскую прописку и социальные пособия. Те из них, кто не живет в обществах для приезжих работников, вынуждены снимать более дешевое жилье на городских окраинах или жить в

>>

лиминальных пространствах (на балконах, на крышах домов, в подземных бункерах или контейнерах). В Пекине в 2014 году, например, около 1 млн мигрантов снимали совместно небольшие комнаты по цене \$65 в месяц в бомбоубежищах и складских помещениях, без дневного света, с коммунальными кухнями и отхожими местами. Эти работники составляют сегмент занятости низко оплачиваемого обслуживающего персонала. Среди них официанты, парикмахеры, уборщики, уличные торговцы, обслуживающий персонал продуктовых магазинов, охранники и строители. Сим Чи Инь в 2015 году назвала эти субалтерные группы «племенем крыс» (см. видео <http://creativetimereports.org/2015/01/24/sim-chi-yin-rat-tribe-beijing-underground-apartments/>).

С конца 2011 г. многие молодые трудовые мигранты, занятые на реальных или цифровых предприятиях и вовлеченные в поп-культуру интернета и социальные медиа, выражают свое ощущение неравенства и несправедливости рассказами о своем маргинальном и субалтерном положении в терминах новой идентичности. В буквальном смысле слово дяоси переводится как футбольный фанат. Субъектная позиция дяоси сформировалась в ходе интернет-баталий между конкурирующими фанатами. Эта идентичность затем была самоиронично реинтерпретирована с помощью фонетически близкого китайского слова, которое переводится как «фанаты пениса». Такая транспозиция скоро получила распространение в социальных медиа. Через два месяца после того, как эта идентичность была обозначена вербально, она привлекла 41 млн. гуглпоисков и 2,2. млн. блогпостов. В китайской версии Твиттера — Weibo — молодые субалтерны стали называть себя дяоси и создали собственные пространства чата и посты в социальных медиа (например чаты YY и QQ).

В социальных медиа появились новые значения этого дискурса и идентичности. Вскоре термин стал использоваться, чтобы в конденсированной форме описать чувства неравенства, маргинальности, исключения, обозначить экономические трудности, фрустрацию и социальную боль трудовых мигрантов, а также их нереализованные консьюмеристские и романтические желания. Они представляют себя как субъектов, занимающих непривилегированные позиции, чьи заработки крайне скудны, потребление занижено, а социальные связи недостаточны. Их урезанные доходы и потребление, низкая кредитоспособность и низкий социальный статус создают целостное эмоционально с ощущение, что их жизнь обесценена. Ее составляют лишь длительные рабочие дни,

нищенские условия жизни, неясные карьерные перспективы, тоска по дому, чувство вины в отношении покинутых дома родителей и пустая эмоциональная и любовная жизнь.

Это повседневное существование субалтерности дяоси выражается также в биополитической бинарной оппозиции, которая противопоставляет два основных гендерных телесных типа по критерию их неравного доступа к доходам, потребительским возможностям, сетям власти, любовно-романтическим отношениям и интимности. В мужском варианте дяоси обозначают себя как «бедных, низкорослых и отвратительных» лузеров. Они говорят, что являются непривлекательными для девушек, поскольку они физически не симпатичны, а их доходы мизерны. Они не могут дарить девушкам подарки и очаровывать их; у них нет «ни машины, ни квартиры, ни подружки (невесты)»; свободное время они проводят дома, где на дешёвых мобильных играют в электронные игры, такие как DotA, или просто лазают по интернету. Этот конструкт постепенно распространяется на субалтернов женского пола. На другом полюсе оппозиции находятся гаофушуй. Члены этой во всех смыслах превосходной группы описываются как 1) рослые, богатые и красивые 2) отпрыски княжеских родов, чьи государственные и партийные связи позволяют получать преимущества в сфере занятости и доступе к благам. У них есть три главных сокровища (айфон, спортивная машина и дизайнерские часы), они привлекательны для красивых девушек. Эта бинарная оппозиция проявляет микс латентной критики, самоиронии и выраженную социальную уязвимость в государственно-капиталистическом Китае. Пропасть между этими двумя воображаемыми группами можно проиллюстрировать сатирическими мультфильмами в интернете, фотографиями, телевизионными шоу, фантазиями и проч. Эти репрезентации показывают, как две группы пользуются разными транспортными средствами (автобус или БМВ), питаются в разных общественных местах (забегаловки и дорогие рестораны), их романтические истории также устроены по-разному. Короче говоря, нарративы о дяоси отображают самоиронию (стёб – прим. пер.) над судьбой, которая не имеет будущего и не вселяет надежду. Эти презентации описывают эмоциональную пустоту романтических отношений, а также выражают латентную враждебность к социальному элитизму, проявляющемуся в жизни «княжеских отпрысков», и отчаяние тех, кто не нашел себе места в обществе, где царит неравенство. ■

Адрес для связи: Нгай Лин Сум <n.sum@lancaster.ac.uk>

> Классовая формация и аграрный капитализм

Таня Муррей Ли, Университет Торонто, Канада

Деревня посреди пальмовой плантации. Фото: Таня Ли.

Кому что принадлежит? Кто что делает? Кто что получает? Что они делают с прибылью? Эти четыре вопроса, точно сформулированные исследователем аграрного уклада Генри Бернштейном (Henry Bernstein), являются исходными для анализа формирования аграрных классов. Эти вопросы особенно актуальны для тех мест, где владение фермерской землей и способность инвестировать прибыль в расширение и интенсификацию фермерского хозяйства, являются определяющими условиями уровня жизни. Все зависит от того, может ли фермер поддерживать свое хозяйство и аккумулировать прибыли, или ему придется расстаться с землей. Я изучала эти феномены на примере отдаленного сельского поселения в Индонезии, где наблюдалось быстрое формирование сельскохозяйственных классов, начавшееся после того, как местные фермеры получили в собственность земельные наделы, которые прежде принадлежали общине, и стали выращивать на них какао. Сделав выбор в пользу плантации какао, они не смогли в дальнейшем переключиться на производство сельскохозяйственных продуктов, поскольку малые наделы земли не позволяли получать урожай достаточный для того, чтобы прокормить семью, приобрести одежду, оплатить обучение детей в школах и т.д. Они должны были интенсифицировать производство, ориентированное на рынок, в надежде заработать достаточно для покрытия потребностей семьи и сохранения производительной способности фермы. Те, кому не удалось успешно выстроить такую стратегию, потеряли

свою землю. Мое исследование демонстрирует хрестоматийный пример того, что происходит, когда небольшая ферма становится малым предприятием (фирмой). Такие хозяйства, управляемые капиталистическими отношениями, находятся под угрозой утраты всего, чем они обладают, если они оказываются не в состоянии инвестировать и сохранять конкурентоспособность. С другой стороны, они не в состоянии продолжать прежнее аграрное существование, поскольку не могут свести концы с концами.

При этом процесс формирования аграрных классов, который я только что описала, все в большей степени модифицируется под влиянием других факторов. Одним из наиболее значимых обстоятельств, влияющих на классообразование в деревне, являются государственные трансферты и денежные переводы. Семья фермеров, получающая регулярную государственную финансовую поддержку в виде трансферта, подобного бразильской программе «*Bolsa Família*» или семья, получающая регулярные переводы от родственников, работающих в других местах, обладает подушкой безопасности, защищающей ее от необходимости расстаться с землей в трудные времена (когда снижаются цены, когда фермер не справляется с выплатой долга или займа, в случае неурожая, болезни или других семейных проблем, требующих срочного решения). Денежные переводы могут быть использованы для покупки земли, вложены в оплату займа или инвестированы в образование. Их также используют

для строительства впечатляющих домов и организации роскошных свадебных церемоний, которые могут выглядеть со стороны как бессмысленная трата денег. На самом деле эти действия и их результаты являются средствами создания семейных социальных сетей и увеличивают доступ фермерского хозяйства к производительным ресурсам (контрактам, займам, субсидиям и информации). Сегодня по всей сельскохозяйственной Азии, Африке и Латинской Америке мы видим строительство домов, оплаченных денежными переводами (*remittance houses*), и другие признаки трансформирующейся роли земли, труда и капитала. В связи с этими изменениями необходимо переинтерпретировать те полезные вопросы о сельских классах, которые были сформулированы в начале статьи и продумать новые ответы на них. Эти вопросы — кто чем обладает, кто что делает, кто что получает и куда девается прибыль — должны учитывать более широкий контекст отношений, выходящий за пределы отдельной фермы.

Когда мы обращаемся к исследованию более масштабных процессов, т.е. смещаем наш интерес от изучения малых семейных фермерских хозяйств к исследованию контроля над большими наделами земли, классовый анализ усложняется. В такой оптике классовый анализ предполагает исследование вне рыночных механизмов, которые определяют ответ на вопросы «кто чем владеет» и «кто что получает» в аграрных областях. На Филиппинах, как и в значительной части Латинской Америки, в политике господствуют богатые землевладельцы, которые стали хозяевами земли в период испанской колонизации. Именно они устанавливают правила, которые позволяют им сохранять собственность на землю независимо от ее производительности. В Индонезии и других странах Юго-Восточной Азии, в которых нет наследия больших землевладений, современные политики и государственные чиновники используют официальные и неофициальные рычаги власти, находящиеся в их распоряжении, чтобы получить доступ к большим земельным площадям. В этих местах не собственность на землю гарантирует получение политической позиции, а наоборот наличие политической позиции дает возможность получить земельный надел. Поскольку землю можно заложить или сдавать в наем для получения дохода, позиция «землевладельца» не всегда предполагает вовлеченность в капиталистические или сельскохозяйственные отношения.

Понимание классового характера крупных ферм или плантаций становится крайне актуальным сегодня, потому что эти формы производства получают большое распространение. Так, например, в Индонезии огромные плантации пальм, из которых производится масло, занимают территории площадью более 10 млн га, и правительство стремится увеличить эти площади в два раза. В Лаосе и Камбодже каучуковые плантации также занимают все больше и больше места. В Бразилии и соседствующих с ней странах эти формы производства включают крупные механизированные соевые фермы. Часто большие фермы и плантации находятся в собственности конкретных людей или национальных и транснациональных корпораций и не являются «капиталистическими» в «школьном» понимании этого термина, поскольку они платят рыночную цену за предмет своего производства. Такие сельскохозяйственные предприятия получают огромные субсидии, арендуя национальную землю за минимальную цену или вовсе не оплачивая аренду, они пользуются государственной инфраструктурой, налоговыми льготами

или дешевыми кредитами. Иногда они также нанимают дешевых работников, которые поставляются миграционными схемами при поддержке государства. На самом деле мультинациональные «инвесторы» — часто представляемые как ролевые модели современных капиталистов — крайне мало вкладывают в эти предприятия, полагаясь в основном на субсидии или бесплатный доступ к ресурсам производства. Крупные фермерские предприятия могут основываться на контрактах с фермерами или схемах субподряда, которые затемняют вопрос о том, кто является владельцем земли и кто какую долю дохода получает. Предоставление субсидий крупным собственникам объясняется тем, что крупные сельскохозяйственные предприятия содействуют «развитию» отрасли и создают рабочие места. При этом серьезно недооцениваются те разнообразные виды экономической деятельности и техники совершенствования хозяйства, которые они вытесняют, и те возможности принуждения и вымогательства, которые являются результатом их монопольной позиции в сельскохозяйственной отрасли.

Правительственные чиновники и политики получают выгоду от экспансии крупных сельскохозяйственных предприятий, которые обеспечивают им приток средств, получаемых в виде взносов, выплат, разрешений и результатов вымогательства. Эти чиновники часто входят в состав правлений корпораций. Как возможно исследование классовых фигураций подобных гибридных формаций, включающих представителей личных сетей, государства и корпорации? Для нас по-прежнему значимы классовые отношения, формирующиеся между трудом и капиталом в ходе процесса производства. Однако другие отношения и другие механизмы также должны быть подвергнуты анализу. Глобальный капитал в таких странах, как Бразилия или Индонезия, не появляется ниоткуда. Его продвижение становится возможным, благодаря разнообразным связям, коалициям, законам и дискурсам. Некоторые социологические термины позволяют осмыслить смычку государственной и внесударственной власти, создающую возможности для подобных инвестиций. В данном случае мы говорим о таких феноменах, как «хищнические элиты» (*predatory elites*) или «агенты кумовского капитализма» (*crony capitalists*). Такие гибридные образования характерны не только для сельскохозяйственного производства и стран Глобального Юга. Крупнейшие корпорации часто поддерживаются политическим фавором и государственной лицензией, дающей право на монополию. Они получают свои мега-прибыли потому, что имеют неоплачиваемую ренту. Первичные вопросы, о которых мы писали выше, все еще могут направлять наше исследование подобных формаций: нам необходимо узнать, кто чем владеет, кто что делает, кто что получает, и куда девается прибыль. Но повторим снова: эти вопросы нужно адресовать к разным контекстам — к различным формам собственности, организации труда, инвестиционным усилиям, которые используются на разных уровнях. Чем более растянуты в пространстве и сложно организованы классовые формации, тем менее они очевидны для наемных работников, трудящихся на плантациях, для фермеров-субконтрактников или индивидуальных владельцев акций, которые остаются замкнутыми в отношениях производства (экстрактивных отношениях), суть которых для них остается неясной и потому не вызывает протеста. ■

Адрес для связи: Таня Муррей Ли <tania.li@utoronto.ca>

> Реформа социальной политики в Великобритании: авторский жизненный опыт и сопротивление

Рут Патрик, Йоркский университет, Великобритания

Иллюстрация: Poverty 2 Solutions (Проект «Решение проблемы бедности-2»), 2017.

В течение последних тридцати пяти лет система социального обеспечения в ВБ бесконечно реформируется – одна волна преобразований сменяет другую. Изменения в этой сфере стали частью усилий, направленных на преодоление того, что политики часто называют «культурой зависимости от велфера» (культура иждивенчества — ЕЗ) и подгонкой под условия велфера. Последнее описывается как закрепление условий (часто связанным с занятостью), которые обеспечивают доступ граждан к пособиям и льготам. Во время правления неолейбористов произошли значительные изменения, а новая волна реформ произошла при правительстве консерваторов после 2010 года. Масштаб сокращения государственной поддержки стал огромным, а ее последствия — экстремальными. Приведем убедительные данные.

По сравнению с 2010 годом в 2021 году [на 37 млрд фунтов меньше](#) бюджетных средств будет израсходовано на социальное обеспечение граждан трудоспособного возраста, и это, несмотря на рост цен на продукты и стоимости жилья. Таким образом, все бюджетные расходы на пособия и льготы сократятся на 25%. Особенно большие сокращения затронули систему поддержки людей с ограниченными возможностями.

Неудивительно, что сокращение социальной поддержки приводит к росту детской бедности, нищеты и зависимости от продуктовых банков у наиболее бедных семей. Исследования Института фискальных исследований показывают, что абсолютная детская бедность возрастет на 4 процентных пункта в период между 2015–2016 и 2021–2022 годами, причем три четверти этого роста (400 000 детей) объясняется сокращением бенефитов. Подсчеты Фонда борьбы с бедностью Джозефа Раунтри показали, что в 2017 году [1,5 млн человек](#) столкнулись с угрозой нищеты. Во время финансового кризиса 2017–2018 гг. самый крупный в стране поставщик продовольственных банков Трест Трассела [раздал нуждающимся 1 332 952 пакета провизии](#), рассчитанной на три дня.

Несмотря на эти цифры, правительство Великобритании продолжает демонстрировать свою приверженность политике сокращения помощи и разворачивает свой пакет социальных реформ. Новым шагом социальной политики стало введение Универсального кредита. Это новое пособие призвано упростить систему получения поддержки и усилить стимулы занятости. При этом оно порождает огромное количество проблем, связанных с дизайном бенефита и его реализацией. Премьер-министр Тереза Мэй продолжает утверждать, что «работа – это лучшая стратегия борьбы

>>

Кадр из кинофильма «All in this together. Are benefits ever a lifestyle choice?» (Все в одной лодке. Разве пособия – это выбор образа жизни?). Киностудия Dole Animators (2013). Иллюстрация: Dole Animators.

с бедностью», несмотря на то, что в настоящее время две трети бедных проживают в домохозяйствах, где есть хотя бы один работающий.

> Жизненный опыт и реформа социального обеспечения

В этом контексте необходимо исследовать и документировать повседневный опыт тех граждан, которые непосредственно сталкиваются с изменениями в системе социального обеспечения, и проанализировать воздействие реформы на их жизнь. Это и стало целью нашего эмпирического исследования (*The Everyday Realities of Welfare Reform*), проведенного в одном из северных городов Англии. Мы проводили неоднократные интервью с людьми, ищущими работу, родителями, которые в одиночку воспитывают детей, с людьми с ограниченными возможностями. Это исследование позволило понять, как реформы воздействовали на их жизнь и насколько политический нарратив, утверждающий, что «реформа велфера нужна, и она работает», расходится с опытом тех людей, которых она действительно затрагивает.

Для участников проекта изменения в системе социального обеспечения создали атмосферу социальной ненадежности (*insecurity*), включающей постоянную тревогу по поводу изменений и их последствий. Сам процесс доступа к бенефитам вызывает обеспокоенность, причем оценка нуждаемости в случае инвалидности вызывает настоящий страх и чувство неопределенности. Шэрон описывает, что она чувствовала в связи с постоянно повторяющимися тестами на инвалидность, которые она должна была проходить для получения пособия: «Это (необходимость подтверждать инвалидность) очень давит на меня... Постоянно об этом думаю».

Кроме того, наши информанты крайне отрицательно оценивают возрастание кондициональности велфера (жесткое определение условий, при которых возможно получение пособия — прим. пер.). Люди опасаются санкций и снижения доходов, и их крайне беспокоят эти перспективы. Они боятся, что наступит момент, когда они перестанут получать пособие и с трудом представляют свои стратегии в этой ситуации. Даже те, кто согласен со всеми аспектами режима обусловленности, выражают свою обеспокоенность, и не хотят связываться с «поддержкой» Центров занятости, опасаясь, что в дальнейшем это приведет к ужесточению условий и наложению санкций.

Наше исследование свидетельствует о росте бедности и большем распространении тяжелых условий жизни. Многие участники рассказывали о сложном выборе, который они делают (часто ежедневно) между тем, чтобы обогреть себя или поесть.

Они также рассказывали, как родители часто ограничивали себя во всем, чтобы дети могли удовлетворить свои потребности. Хлоэ сказала: «Мы нищие, мы очень бедны. Мы живем именно в таких условиях – особенно когда видишь всю эту рекламу – пожалуйста, накормите наших детей! Хочется сказать – накормите моих чертовых детей!»

Исследование также показало, что люди ощущают на себе стигму бенефитов, они чувствуют, что даже их право на получение пособия вызывает вопросы и подвергается сомнению новым режимом кондициональности и постоянными оценками нуждаемости. Они также описывают институциональную стигму, которую они испытывают при посещении Центра занятости или используя его услуги по поиску работы. Здесь они постоянно сталкиваются с консультантами, которые, как им кажется, смотрят на них снисходительно и относятся без уважения, тем самым посягая на их чувство собственного достоинства. Софи объясняет: «В основном они (консультанты Центра занятости) смотрят на нас как на мусор».

В целом исследование демонстрирует выраженное несоответствие популярной политической характеристики велфера и реалий жизни. Реформа социального обеспечения делает жизнь тех, кого называют бедными, только тяжелее.

> Растущее сопротивление

За последние годы мы видим не только реформы социальной политики, но также рост сопротивления им. Важно отметить, что этот протест поддерживают две группы граждан. С одной стороны, это те, кто имеет непосредственный опыт жизни в бедности, с другой стороны, это те, кто получает пособия по безработице. Эти категории граждан объединяются, чтобы бросить вызов массовому пониманию велфера, и изменить ситуацию. Так, например, несколько наших информантов в 2013 году приняли участие в проекте *Dole Animators*, который заключался в создании документального фильма, повествующего об их опыте. Этот проект все еще продолжается, и недавно его участники включились в другую инициативу *«Poverty 2 Solutions»* («Решение проблемы бедности-2»). Вместе с двумя другими группами они разрабатывают реальные возможные стратегии борьбы с бедностью. Эти два примера показывают, как граждане отказываются в признании тем трактовкам реформы, которые предлагают мейнстримные политики. Деятельность активистов крайне значима, она является источником надежды на лучшее будущее, которая так нужна в условиях роста бедности и неблагоприятного воздействия реформы социального обеспечения в Великобритании. ■

Адрес для связи: Рут Патрик <ruth.patrick@york.ac.uk>
Твиттер: [@ruthpatrick0](https://twitter.com/ruthpatrick0)

> Класс и ЭКОЛОГИЯ

Ричард Йорк, Университет Орегона, США; Бретт Кларк, Университет Юты, США

Чтобы построить лучший мир и спасти окружающую среду, необходимо ослабить хватку капитала в мировом масштабе. Иллюстрация: I. Ransley (Flickr) (права пользования ограничены).

20

Капитализм — это система, основанная на бесконечном стремлении к накоплению, которое осуществляет капиталистический класс в своих интересах. Капиталистическая система достигает этой цели с помощью безудержной экспроприации и эксплуатации, которые с неизбежностью приводят к деградации окружающей среды и социальному неравенству.

Экспроприация — то есть процесс ограбления — включает нарушение привычных прав и распад некапиталистических производственных отношений, а также порабощение. Колониальное насилие и захваты земель способствовали приватизации средств производства и создали классовую и расово определенную (раси-

лизированную) систему накопления. Эта система сделала возможным расхищение природных ресурсов и ограбление людей во всем мире, что и стало основой развития промышленного капитализма. Люди, лишившиеся собственности, были вынуждены продавать свою рабочую силу ради заработка, чтобы поддержать свое существование. В странах с низкой оплатой труда, степень эксплуатации рабочей силы крайне высока. В этих странах результатом суперэксплуатации является массовый трансферт прибавочной стоимости в страны, являющиеся ядром капиталистической системы. Капиталисты контролируют социальную прибыль, произведенную всем обществом в его взаимодействии с более обширным биофизическим миром, и накапливают капитал. Кроме того, они присваивают себе неопла-

>>

Капитализм представляет угрозу для благополучия людей и окружающей среды. Иллюстрация: M. Crandall (Flickr) (права пользования ограничены).

чиваемый труд социального воспроизводства, который способствует поддержанию жизни. В этом виде труда занято гораздо больше женщин, чем мужчин, и такая диспропорция также создает дополнительные социальные неравенства.

Принимая во внимание, что императивом капитализма является рост, мы поймем, что эта система старается вырваться за планетарные границы. Любая экспансия производственного процесса для поддержания хозяйственных операций в более крупном интенсивном масштабе создает дополнительные ресурсы (например, материю и энергию), производство которых неизбежно влечет за собой загрязнение окружающей среды. Прогрессивное развитие приводит к невиданным в человеческой истории масштабным и интенсивным разрушениям окружающей среды, которые превышают регенеративные способности экосистем, затопляют экологические бассейны, разрушают природные циклы и истощают ресурсы. Социальный метаболизм капитала, основанный на отчуждении, – отношения обмена между обществом и большим биосоциальным миром, – проявляется в изменении климата, усилении тенденции утраты биоразнообразия, окислении океанов. Здесь мы назвали лишь несколько из огромного числа насущных экологических проблем.

Логика капитала такова, что для него весь мир – люди, животные, растения, горы, воздух, вода и пр. – становятся средствами личного накопления прибыли. Анализ работы капиталистических структур демонстрирует близкую связь между классовой эксплуатацией и деградацией окружающей среды. Такая аналитическая оптика придает большое значение классовой борьбе, которая включает борьбу за социальную справедливость и радикальные движения в защиту окружающей среды.

Однако господство капитализма в мировом масштабе не только исказило массовые представления о причи-

нах проблем окружающей среды и социальной несправедливости, но даже представления о том, что значит улучшить условия человеческого существования в целом. В течение двухсот лет – и особенно после Второй Мировой войны – в большинстве стран господствует мнение, что экономический рост является синонимом «социального прогресса» и «развития». Из этого делается вывод, что общества должны стремиться к постоянному экономическому росту, измеряемому в денежном эквиваленте. Считается, что такое видение прогресса подстегивает потребительский спрос и способствует улучшению количества и качества товаров и услуг, в конечном счете, содействуя улучшению качества жизни всех членов общества, хотя и в неравной степени. Такой тип развития продвигается лидерами бизнеса и правительствами как решение проблемы бедности и способ улучшения условий труда наемных работников. В этой оптике инновации и технологические устройства являются средствами решения проблем окружающей среды. Иными словами, утверждается, что улучшение условий существования человека зависит от постоянного экономического роста. Это распространенное видение полностью игнорирует тот факт, что программы модернизации капитализма привели к длительному накоплению проблем окружающей среды, оставляя сотни миллионов людей в бедности и создавая вопиющие неравенства между нациями и в рамках отдельных стран.

Многие работники, профсоюзы и даже правительства левого толка во всем мире разделяют изложенные выше взгляды на капиталистическое развитие. Отчасти распространенность таких взглядов объясняется идеологическим господством капитала, его структурной организацией, глобальным могуществом и системой производства, основанной на отчуждении. Неизбежное и крайне неблагоприятное последствие такой позиции заключается в том, что многие люди, пострадавшие от капитализма, не обвиняют капиталистов и существующую экономическую систему в своих горестях. Они склонны

обвинять в невзгодах защитников окружающей среды, мигрантов, социалистов и феминистов, людей различных рас и самые разные социальные группы, которые на самом деле не являются их врагами, а скорее, могли бы стать их союзниками.

Капитализм создает множество вызовов и препятствий для мобилизации широкой оппозиции системе. Стратифицированная глобальная экономическая система создает неравенство в развитии, при котором дешевая рабочая сила Глобального Юга используется для производства товаров, направляемых на Север. При таких условиях экономическая прибыль перетекает к капиталистам Глобального Севера, а деградация и промышленное загрязнение окружающей среды, связанные с производством товаров, сконцентрированы в непропорционально больших масштабах на Глобальном Юге. Более того, такие непосредственные эффекты климатических изменений, как наводнения и засуха, поражают в большей степени территории Глобального Юга, особенно те из них, население которых является наиболее уязвимым. Капиталистические действия приводят к росту несправедливости, связанной с окружающей средой. Этот модус социальной несправедливости особенно остро ощущается цветным населением и людьми, живущими в бедности. Инвайроментальное неравенство создает дополнительные социальные разделения и иерархии. В то же время капитал использует свою силу и влияние для осуществления своих операций и стремится помешать гражданскому дебат и политическому действию, направленному на решение проблем окружающей среды, таких как изменение климата. Таким образом, капиталистическая система создает множество социальных и экологических противоречий. Становится ясно, что необходим широкий объединенный протест, в котором примут участие различные классы общества, имеющие опыт экспроприации и эксплуатации. Однако организация оппозиции, которая преодолевает географические границы и социальные разделения, является сложным развивающимся процессом.

Этот глобальный протест предполагает возможность создания нового мира. Некоторые общие основания такой революционной трансформации включают вызов тому, как капитализм определяет развитие, стандарты и качество жизни, а также богатство. Действия капитализма противоречат удовлетворению человеческих потребностей, продвижению социальной справедливости и борьбе с деградацией окружающей среды. Радикальной, но осмысленной альтернативой капитализму явля-

ется построение общества, главной целью которого будет не экспансия производства и потребления с целью накопления личных богатств. Целью такого общества является улучшение человеческой жизни, построение сообществ, основанных на равенстве и справедливости, где все люди не только смогут удовлетворять свои основные потребности, заниматься творческим досугом, удовлетворять свои эстетические вкусы, включая наслаждение окружающей средой. Создание этого альтернативного мира не предполагает добычи полезных ископаемых, роста числа автомобилей, самолетов, пластика и электронных товаров, увеличения числа торговых центров и индустриализованных фермерских хозяйств. Такие общества не предполагают дальнейшего разрушения окружающей среды. Они требуют политических, социальных и экономических изменений.

Короче говоря, чтобы построить лучшее общество, необходимо разрушить капиталистический контроль над миром. Только при этом условии возможно построение общества, которое поддерживает разнообразие экосистемы, стабильный климат, нетоксичное окружение и обеспечивает хорошее качество жизни для всех людей. В свете такой возможности неолиберальные подходы к решению проблем окружающей среды, которые обращаются к рыночным механизмам и технологическим приемам, обречены на провал. Необходимо формирование радикального экологического движения, которое бросит вызов власти и ставит перед собой задачу перестроить социально-экономические отношения и создать возможности для творческой осмысленной работы без отчуждения. Для этого необходимо пересмотреть наследие колониализма и империализма, осмыслить их роль в сохранении расовой и экономической несправедливости на национальном и транснациональном уровнях и покончить с хищническим разрушением экосистем корпорациями, правительствами и девелоперскими организациями.

Кроме того, чтобы построить лучший мир социалисты, феминисты, борцы с колониализмом и все, кто стремится преодолеть социальную несправедливость, должны признать, что кризис окружающей среды не просто один из многих, но является неотъемлемым элементом комплексной системы множественного угнетения и ядром капиталистических противоречий. ■

Адреса для связи:

Ричард Йорк <rfyork@uoregon.edu>

Бретт Кларк <brett.clark@soc.utah.edu>

> Эффект ошейника

Капитализм за пределами быстрого роста

Джеймс К. Голбрейт, Техасский университет, США; Клаус Дёрре, Йенский университет, Германия

Конференция «Великая трансформация. Будущее современных обществ» состоится в Вене в сентябре 2019 года.
Иллюстрация: Сара Кордс.

Экономики стран, которые первыми прошли процесс индустриализации, уже преодолели фазу быстрого экономического роста. Одной из причин его завершения является тенденция к сокращению прибыли, которую Джеймс Гэлбрейт назвал «эффектом ошейника».

Эффект ошейника заключается в том, что ресурсо- и энергоёмкая экономика, сформировавшаяся после 1945 года на Востоке и на Западе и гарантировавшая благополучие за счёт высоких темпов роста, не может оставаться неизменной, поскольку эффективность такой экономической системы сохраняется до тех пор, пока

ресурсы остаются дешёвыми. Однако ресурсоёмкость также предполагает постоянные высокие издержки, которые компенсируются в долгосрочной перспективе и могут быть оправданы только при условии, что система способна приносить прибыль в течение продолжительного времени. Как следствие, политическая и социальная стабильность является главным функциональным условием такого вида экономической деятельности. Из-за требований стабильности системы с высокими фиксированными издержками особенно уязвимы. Но что же происходит, когда в периоды нестабильности возрастают цены на сырьё и энергоносители? Временной горизонт получения прибыли и доходов от инвестиций сокращается, а общий размер положительного сальдо или прибыли компании становятся ниже, чем в стабильные времена. Поскольку прибыль сокращается, конфликты, связанные с распределением ресурсов на всех уровнях — между работниками, руководством, собственниками и налоговыми органами, — усиливаются, так как уверенность в дальнейшем благополучном развитии начинает колебаться.

Эффект ошейника ещё больше усугубляется, если (а) существует дефицит принципиально значимого ресурса, в том смысле, что совокупный спрос превышает совокупное предложение при обычной цене, и (б) предложением этого товара можно манипулировать посредством чрезмерного накопления и спекуляции.

Подобно ошейнику-удавке у собаки, этот эффект не обязательно препятствует экономическому росту. Однако поскольку потребление энергоресурсов ускоряется, цены быстро растут, а рентабельность быстро падает. Этот процесс, в свою очередь, снижает инвестиции, порождает сомнения в устойчивости роста, а также может вызвать (извращенное) ужесточение действия других экономических рычагов.

Приведённые рассуждения даже не принимают во внимание большие издержки, связанные с изменением климата. Товарные и энергетические издержки не являются единственной причиной серьезного кризиса 2007–2009 годов и сегодняшних сравнительно низких темпов экономического роста в старых капиталистических центрах. Так или иначе, как только вопрос цены климатических изменений встанет остро, проблема ресурсов может стать главным препятствием экономического роста. Проблема очевидна: чтобы позволить организованной

>>

форме жизни на планете продолжать существовать в её нынешнем виде, необходимо значительное сокращение выбросов углерода в окружающую среду, что потребует больших затрат. Кроме того, большая часть текущего энергоемкого бизнеса станет убыточной.

Несмотря на внутренние экономические противоречия, связанные с этой проблемой, её анализ имеет большое значение для понимания капитализма, экономического роста и демократии, по крайней мере, в трёх отношениях. Во-первых, становится очевидным, что общества построста давно являются социальной реальностью. К ним относятся страны, экономика которых более не ориентирована на рост. Это капиталистические страны богатого Севера, в которых показатели экономического роста являются низкими или нулевыми. Причины такого развития являются отчасти структурными, отчасти политическими. Трансформируя частный долг в государственный с тем, чтобы спасти банки, страны еврозоны выигрывают время, но принятые ими меры не предполагают рационального решения проблемы структурного экономического дисбаланса. Европейская политика жёсткой экономии провалилась, и даже некоторые из самых главных её сторонников теперь это признают, во всяком случае, в отношении Греции.

Однако и кейнсианская политика, ориентированная на более высокую заработную плату и повышенный спрос, на самом деле не является альтернативой. В текущих предложениях недооценивается структурный дефицит энергии, который усугубляется европейскими долговыми обязательствами. Поскольку финансовые рынки взаимосвязаны глобально, и инвесторы оценивают риски на международном уровне, корректировки в отдельных странах в целом не вносят больших изменений. Иными словами, структурные препятствия преграждают путь устойчивому восстановлению экономики. Вполне возможно, что в некоторых странах и регионах экономика будет расти высокими темпами в течение длительного периода, но рост и распределение становятся всё более неравномерными, и в целом возврат к высоким темпам роста, таким, как в прошлом, не ожидается.

Во-вторых, если это верно, то нет смысла преувеличивать в нормативном смысле значимость концепции общества построста или даже рассматривать её как посткапиталистическую альтернативу. Вместо этого нам нужно выяснить, что представляет собой медленный экономический рост с постоянно низкими темпами, и какой эффект имеет эта тенденция в отношениях между капитализмом и демократией. Очевидно, что капиталистические экономики могут находиться в состоянии стагнации в течение длительных периодов времени (например,

Япония, Италия) или даже сокращаться (Греция) без каких-либо фундаментальных изменений в социально-экономической структуре. То же относится и к властным структурам относительно стабильного капитализма с низкими темпами экономического роста, которые сохраняются в течение долгого времени. Однако распространяется ли эта тенденция стабильности на демократические институты и процедуры — это другой вопрос.

В-третьих, хотя мы и утверждаем, что возврат к высоким темпам экономического роста невозможен, общая критика экономического роста, капитализма и идея стагнирующей или даже сокращающейся экономики, похоже, не являются выходом из положения. Вместо этого, решением может стать сознательно медленная растущая новая экономика, которая учитывает в своих механизмах функционирования биофизические основы. В застойной или даже сжимающейся экономике всегда будет мало победителей и много неудачников. По этим причинам в будущем необходим вид экономической деятельности, который может гарантировать медленный стабильный рост в течение длительного периода времени. В качестве желаемой альтернативы мы предлагаем децентрализованный капитализм с медленным экономическим ростом. Как бы то ни было, такой капитализм мог бы значительно отличаться от современного финансового капитализма. При децентрализованном капитализме мог бы значительно сократиться размер учреждений и организаций (военных), чьи постоянные расходы включают в себя обширное использование ресурсов, а также в целом прекратил бы существование банковский сектор. Эти меры смогли бы обеспечить достойный уровень жизни всем гражданам, возможность досрочного выхода на пенсию, сильно повысили бы минимальную заработную плату, облегчили бы налоговое бремя на труд, но значительно увеличили бы налоги на наследство и дарение. Что наиболее важно, такие меры послужили бы стимулом обеспечения активных расходов на социально и экологически устойчивую инфраструктуру, а не пассивного накопления. Насколько этот сценарий осуществим — вопрос открытый.

Социология должна принять участие в поиске ответа на этот вопрос и такая попытка будет предпринята в рамках конференции «Великая трансформация. Будущее современных обществ», которая состоится в конце сентября 2019 года в Йенском университете в Германии. На конференции мы хотим сформировать исследовательскую сеть, которая откроет для социологов и экономистов возможность участвовать в глобальном диалоге о будущем, выходящем за рамки быстрого экономического роста. ■

Адрес для связи: Клаус Дёрпе <klaus.doerre@uni-jena.de>

> Условия экономического построста

Эрик Пино, Университет Квебека в Монреале, Канада, Исследовательская группа по изучению обществ построста, Йенский университет, Германия

Экономический рост долгое время находился в центре политических программ западных стран. Иллюстрация: LendingMemo.com (права пользования ограничены).

Экономический рост в капиталистическом обществе имеет множество значений и возможных следствий, как и признаки его неуспеха или прекращения. Весьма существенным является тот факт, что денежное выражение экономического развития, а также саму центральную идею капиталистического общества трудно проблематизировать. Теория построста появляется в контексте, когда такая проблематизация становится не только возможной, но и необходимой.

Экономический рост представляет собой, прежде всего, то, что измеряют ВВП и другими показателями состояния национальной экономики: размером и динамикой капитализма как денежной производительной экономики. Данные показатели включают количество производимых (выпуск) и потребляемых (спрос) товаров; накопление запасов; и инвестиции в основной капитал, будь он материальный (машины) или нематериальный (НИОКР, патенты), что в свою очередь обеспечивает занятость, производит денежные доходы в виде заработной платы, прибыли, налогов, процентов и дивидендов.

С точки зрения такой ограниченной экономической перспективы, рост подразумевает как увеличение объема производства, так и расширение возможностей для производства. Темпы роста экономики, выраженные в процентах, представляют интенсивность этого процесса. В современных капиталистических обществах рост представляется как «нормальное» состояние экономики, а такой показатель, как

ВВП, суммирует и выражает множество социальных и материальных отношений, которые образуют процесс экономического роста. Низкие темпы роста приведут к возникновению конфликтов распределения ресурсов между капиталом, трудом и государством. Длительное снижение темпов роста («вековой застой») приведёт к продолжительному состоянию нестабильности и противоречий. Снижение темпов экономического роста в капиталистических экономиках является устойчивым феноменом. Государства сокращают расходы; корпорации прекращают инвестиции и сокращают производство; капиталисты накапливают прибыль или переводят её в финансовую сферу; рабочие как класс теряют позиции, поскольку не выступают единым фронтом в оборонительной борьбе; и, как следствие, спрос в странах, привыкших к динамике роста, основанного на заработной плате, ослабевает. После кризиса 2008 года эти процессы переживают многие капиталистические страны.

Таким образом, экономический рост является главным средством регулирования внутренних классовых противоречий в капиталистических обществах. Основанный на накоплении, обеспечиваемом механизмом эксплуатации, капитализм обретает стабильность в условиях экономического роста: заработная плата растёт параллельно с прибылью; высокие инвестиции сопровождается полная занятость; классовые конфликты ослабевают и становятся управляемыми; растущий излишек поглощается в форме повышающегося «уровня жизни» для большинства, а также расширяющегося государства всеобщего благосостояния. Если темпы эконо-

>>

мического роста падают ниже определенного уровня, вся система начинает распадаться. Такое положение дел не является проблемой для капиталистов, которые могут компенсировать замедление роста, резко сократив высокие прибыли от производства. Конечно, это в свою очередь ещё больше сдерживает спрос и экономический рост, потому что в конечном итоге ведет к сокращению трудовых доходов, но работники всегда могут прибегнуть к кредитной карте, или продукция может быть продана «не ограниченным в средствах» потребителям в других странах. В такой конъюнктуре именно «организованные группы рабочего класса» являются «потребителями роста». Они предлагают и борются за политики, которые стимулируют более высокие темпы роста: более высокие социальные расходы со стороны государства, рост заработной платы и, наконец, более высокие «реальные» и создающие рабочие места инвестиции со стороны фирм. Если устойчивый застой, понимаемый как глубоко укоренившаяся структурная тенденция нулевого темпа роста, действительно представляет собой будущее передовых капиталистических обществ, то мы окажемся в парадоксальной ситуации, когда жаждущие роста рабочие и социальные движения — которые мы можем назвать коалицией прогрессивного роста, — сталкиваются с безразличными к экономическому росту корпорациями и равнодушными капиталистами. Можно без труда представить какой вызов эта ситуация бросает критической социологии и теории капитализма.

ВВП оценивает состояние экономики относительно самой себя. Поскольку этот показатель выражается в денежных единицах, капитализм — это самодостаточная система, которая «вырастает сама из себя». Но, начиная с Поланьи, мы знаем, что капиталистические отношения развиваются и растут внутри более широких социальных отношений и институтов, которые они подчиняют своей логике, иногда разрушая тем самым самые основы роста. Кроме того, феминистская теория показывает значимую зависимость труда, стоимости и капитала от «неоцененной» репродуктивной работы, такой как забота-уход. Экономика растет не только посредством чего-либо (социальные отношения), но и на основе чего-либо (репродуктивная работа и забота). Применительно к отношениям Север-Юг можно утверждать, что рост развитого капитализма также зависит от способности вывести на глобальный Юг и периферические регионы мирской системы напряжение, присущее так называемому имперскому образу жизни. Когда этот процесс переопределяется как расширение товарных социальных отношений, как экстернализация и рост спроса на недооцененную репродуктивную работу, потребность в более интенсивном, устойчивом и всеобъемлющем экономическом росте со стороны прогрессивной коалиции роста может вызвать беспокойство.

Эта ситуация ещё более усложняется, когда рост рассматривается как материальный процесс, а разрушительное воздействие добычи, производства, потребления и отходов на экосистемы, живых существ и глобальные биогеохимические циклы осознается и признается, например, как в случае изменения климата. Показатели биофизического масштаба — совокупный размер экономики по отношению к экосистемам и, в более глобальном плане, к земным системам, в которые он встроен; а также показатель интенсивности биофизических воздействий (истощение, загрязнение, искусственное развитие) — дают нам новое представление об экономике, которая изначально имеет пределы и ограничения. Формирующаяся дисциплина социальной экологии разрабатывает систему показателей и категории, которые фиксируют рост и масштаб капиталистических экономик в биофизических терминах. Социологичность подхода заклю-

чается в том, что метаболизм человека на индивидуальном уровне рассматривается как процесс, связанный с более широкой социальной организацией метаболизма на уровне общества. Социально-экономический метаболизм может быть измерен как пропускная способность материи и энергии, необходимая для производства потребительских и инвестиционных товаров и услуг в капиталистическом обществе. Как только мы преодолеем стереотипы денежной производственной экономики, отделенной от любой биофизической основы, избавимся от представлений о возможности дематериализованного накопления (как если бы мы могли прожить за счёт Твиттера!), наш взгляд на экономический рост изменится. Если мы осознаем взаимозависимость биофизической способности и денежного производства, а также признаем, что существование капитала в форме артефактов (зданий, машин, инфраструктур) возможно лишь в условиях расхода энергии и материи, тогда проблема биофизических ограничений экономического роста станет столь же реальной и очевидной, как ВВП.

С точки зрения биофизической перспективы условия построения определяются экологическими противоречиями капиталистического общества и присущего ему экономического роста. Эти противоречия являются насущными и больше не могут рассматриваться как вторичные или производные от истинного противоречия между трудом и капиталом. Таким образом, концепция построения основана на переработке материализма в соответствии с экологическими принципами и на идеях традиционного исторического материализма, которые питают критическую теорию со времен Маркса.

По мере того, как в последние десятилетия развивается данный теоретический подход к анализу капитализма, становится очевидным, что метаболизм развитых капиталистических обществ должен быть сокращен. Однако также становится явным и то, что сокращение биофизического роста капиталистической экономики невозможно. Как утверждает Джон Беллами Фостер, даже если темпы роста ВВП крайне низки, показатель биофизического масштаба не сокращается. Множество механизмов, которые поддерживают непрерывное накопление капитала, материализованного в экологически неустойчивых метаболических и биофизических процессах, тщательно документируются экологической социальной теорией.

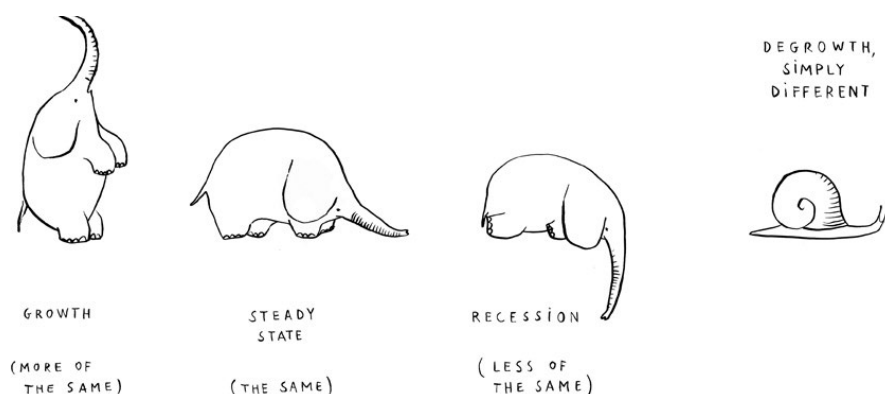
Анализ и разрешение экологических противоречий означает сокращение экономического роста в капиталистических обществах. Но институционализированные общественные отношения производства и потребления в таких обществах основаны на постоянном наращивании экономики и её интенсификации. Чем интенсивнее внутренние противоречия и выше препятствия на пути развития, тем в большей степени капиталистические социальные классы рассматривают экономический рост как решение проблем. Современные капиталистические общества нуждаются в росте и стремятся к нему по экономическим, политическим и культурным причинам. И, тем не менее, их метаболизм должен быть сокращен по биофизическим причинам. Социальным классам капитализма не хватает политических категорий и воображения, чтобы выразить это противоречие в своих собственных терминах. Вследствие этого критическая социология и критическая теория в целом обращается к изучению условий, способствующих распространению представлений о построении. ■

Адрес для связи: Эрик Пино <eric.pineault@uni-jena.de>

> Антирост:

призыв к радикальной социально-экологической трансформации

Федерико Демария, Институт экологических наук и технологий, Автономный университет Барселоны, Испания

Символом движения антироста стала улитка.

Иллюстрация: Барбара Кастро Урио.

«Рост ради роста» — эта идея остаётся кредо всех правительств и международных институтов. Экономический рост представляется панацеей от всех мировых проблем: бедности, неравенства, устойчивого развития, как бы вы это ни назвали. Политика левых и правых различается только тем, как они этого добиваются. Тем не менее, приходится сталкиваться с неудобной научной истиной: экономический рост является экологически нерациональным. Более того, при достижении определенного порога он не является социально необходимым. Тогда встаёт главный вопрос: как можно управлять экономикой без роста?

Эта проблема приобретает легитимность в различных сферах, от науки до политики. Например, в сентябре 2018 года на конференции, посвященной проблематике построста (*Post-Growth Conference*) в Европейском парламенте более двухсот учёных и 100 000 других граждан в открытом письме, озаглавленном призывом: «Европа, пора положить конец зависимости от экономического роста», настоятельно призвали европейские институции к действиям. Такое не происходит без причины. Оживлённая дискуссия продолжается в течение как минимум двух десятилетий, о чём свидетельствуют более двухсот научных статей, десять специальных выпусков журналов, проводимые раз в два года международные конференции с тысячами участников, летние школы и даже степень магистра, открытая в университете Барселоны. Наша книга *Degrowth: A Vocabulary for a New Era* [Антирост: словарь новой эры] была переведена более, чем на десять языков. В настоящее время реализуются важные низовые инициативы разной направленности: от акций, направленных на противодействие экологически разрушительным проектам до создания альтернативных проектов образа жизни, основанных на принципах общего достояния, экономики солидарности и совместного

проживания. Отметим, что «Атлас экологической справедливости» включает более двух тысяч низовых акций, в том числе протесты «Нет углю. Защитим климат!» и «*Ende Gelände*» в Германии. Постараемся прояснить, как именно мы понимаем антирост.

В целом, концепция антироста ставит под вопрос гегемонию экономического роста и призывает к использованию демократически управляемого перераспределительного сокращения производства и потребления в промышленно развитых странах как средств достижения экологической устойчивости, социальной справедливости и благополучия. Антирост, как правило, связан с представлением о том, что меньшее может быть красивым. Однако акцент должен быть сделан не только на *меньшем*, но и на *другом*. В обществе антироста всё будет по-другому: деятельность, формы использования энергии, отношения между людьми, гендерные роли, распределение времени между оплачиваемой и неоплачиваемой работой, отношения с нечеловеческим миром.

Точка антироста — это выход из общества, поглощённого фетишизмом роста. Такой разрыв связан со словами и вещами, а также с символическими и материальными практиками. Он подразумевает деколонизацию воображаемого и претворение в жизнь представлений о других возможных мирах. Проект антироста направлен не на какой-то иной рост или вид развития (устойчивое, социальное, справедливое и т. д.), а на создание другого общества, общества скромного изобилия (Сержа Латуша), общества пост-роста (Нико Пэх), или процветания без роста (Тим Джексон). Иными словами, в своей основе это не экономический, а социальный проект, который подразумевает выход за пределы экономического понимания социальной реальности и империалистического экономического дискурса.

>>>

Литература об антиросте доступна на многих языках.
Фото: Федерико Демария.

«Совместное пользование», «простота», «добрососедство», «забота» и «достояние» — основные характеристики возможного общества антироста.

Несмотря на то, что этот проект подразумевает экологическую экономику, концепция антироста является неэкономической. С одной стороны, антирост подразумевает снижение социального метаболизма (энергетической и материальной производительности экономики), чтобы противостоять существующим биофизическим ограничениям (природных ресурсов и ассимиляционного потенциала экосистемы). С другой стороны, антирост — это попытка бросить вызов вездесущности рыночных отношений в обществе и социальным идеалам, основанным на концепции роста, заменив их идеей скромного достатка. Проект общества антироста также содержит призыв к более глубокому демократическому подходу к проблемам, которые находятся за пределами господствующей демократии, например, к технологиям. Наконец, антирост подразумевает справедливое перераспределение богатства в масштабе отдельных стран, по всему Глобальному Северу и Югу, а также между нынешним и будущими поколениями.

За последние два десятилетия главным достижением идеологии роста является прекрасный оксюморон — получивший всеобщее одобрение лозунг «устойчивого развития». Его цель состоит в том, чтобы попытаться сохранить религию экономического роста в условиях экологического кризиса, что, похоже, было хорошо принято антиглобалистским движением. Однако в настоящее время остро встал вопрос о противопоставлении капитализма глобализованного рынка другому цивилизационному проекту. Нужно было сделать видимым тот альтернативный план, который разрабатывался в течение длительного времени, но развивался в подполье. Основой этого альтернативного проекта является разрыв с деверлопментализмом, стремлением производить как можно больше для потребления так называемых развивающихся стран.

Термин «антирост» был предложен политическим экологом Андре Горцем в 1972 году и использовался в качестве названия французского перевода эссе Николаса Джорджеску-Розджена в 1979 году. Позже в 2001 году французские экологические активисты использовали термин «антирост» как провокационный лозунг для реполитизации энвайронментализма. Девиз антироста начал использоваться практически случайно из-за насущной необходимости порвать с двусмысленным, а зача-

стую и бессмысленным, выражением «устойчивое развитие». Таким образом, сам термин «антирост» первоначально не был обозначением концепции (которая была бы, по крайней мере, симметричной экономическому росту), а был скорее дерзким политическим слоганом, нацеленным на то, чтобы напомнить о значимости границ. Антирост не является ни рецессией, ни отрицательным ростом; этот термин не должен интерпретироваться буквально. Использовать термин «антирост» для обозначения упадка так же абсурдно, как использовать термин «рост» для обозначения процесса возрастания.

Переход к антиросту — это не устойчивая траектория снижения экономического роста, а переход к комфортным для жизни обществам, в которых жизнь людей организована просто, они действуют сообща и меньше тратят. Существует несколько идей о практиках и институтах, которые могут способствовать такому переходу и позволить процветать таким обществам. Привлекательность проекта антироста обусловлена его способностью артикулировать различные источники и направления мысли (включая представления о справедливости, демократии и экологии); формулировать стратегии на разных уровнях (включая оппозиционный активизм, низовые альтернативы и институциональную политику); и объединять разнородных акторов, которые занимаются различными проблемами (от агроэкологии до климатической справедливости). Концепция антироста дополняет и усиливает эти тематические области, функционируя как связующая нить (платформа для сети, состоящей из сетей), выходя за пределы единичных проблемно-ориентированных мобилизаций.

Фактически, антирост — это не *определённая* альтернатива, а скорее матрица альтернатив, которая заново открывает для человека путь к творчеству и множеству предназначений, освобождая от бремени экономического тоталитаризма. Речь идёт о выходе из парадигмы *homo oeconomicus* или одномерного человека Маркузе, основного источника планетарного стирания различий и уничтожения культур. Если «развитие» больше не является организующим принципом общественной жизни, то остаётся пространство для плюралистического мира. Это был бы «мир, вмещающий много миров», как говорят сапатисты. Антирост — это лишь одна из множества альтернатив экономического роста, подобная таким концепциям, как *Buen Vivir*, *Afrotopia* и *Swaraj*. В нашей новой книге *Pluriverse: A Post-Development Dictionary* (Плюриверсум: словарь пост-девелопментализма, 2018) мы собрали более сотни таких идей со всего мира. Таким образом, невозможно сформулировать «готовые» решения для антироста, однако возможно наметить основные принципы любого не основанного на идее экономического роста устойчивого общества и конкретные примеры программ перехода.

Гипотеза антироста утверждает, что траектория радикальной социально-экологической трансформации необходима, желательна и возможна. Условия реализации и политические проблемы, касающиеся социальной динамики, действующих лиц, альянсов, институтов и процессов, которые осуществляют переход к антиросту, остаются открытыми и активно обсуждаются в Европе и за её пределами. Пришло время не только для исследовательской повестки проблемы антироста, которая формулирует неудобные вопросы, но и для политической программы. Специалисты по экологической экономике Тим Джексон и Питер Виктор отмечают в «Нью-Йорк таймс»: «Представить мир без идеи экономического роста — одна из самых жизненно важных и актуальных задач для общества». ■

Адрес для связи: Федерико Демария <federicodemaria@gmail.com>

> Феминизм и антирост:

альянс различий или общие основания?

Анна Заафе-Харнак, Йенский университет, Германия; **Коринна Денглер**, Университет Фехты, Германия; **Барбара Мурака**, Университет штата Орегон, США

Термин «антирост» у многих может ассоциироваться с сокращением экономик, последовавшим за финансовым кризисом 2007 года. Однако это не то, что означает антирост. Лозунг активистов «Их рецессия — это не наш антирост!» объясняет, что антирост как академический дискурс и социальное движение не следует понимать как характеристику отрицательного роста в рамках парадигмы экономического роста (то есть рецессию). Напротив, понятие антироста ставит под сомнение парадигму роста в самом её основании и подчеркивает необходимость освобождения обществ от диктата экономического роста. Это означает, что концепция антироста вскрывает и разъясняет возможности воспроизводства без необходимости полагаться на постоянное ускорение, расширение и интенсификацию эксплуатации социальных и экологических ресурсов. Будучи конкретной утопией, активизм антироста и научная деятельность в этой области предполагают трансформацию снизу вверх, направленную на создание социально справедливого и экологически устойчивого общества. Эта концепция предлагает возможные шаги к формированию нового видения, от альтернативных коллективных практик до трансформации базовых институтов. Поэтому — и это еще один лозунг активистов — когда мы говорим об антиросте, мы говорим об антиросте как о «проекте», а не как о «следствии бедствия» (*degrowth by design, not by disaster!*).

И всё же анализ принудительного экономического антироста на примере современной Греции, может научить многому исследователей и активистов. Снижение темпов роста после финансового кризиса в Греции привело к серьезным социальным проблемам в сфере социального обеспечения и государственных услуг. Сокращение экономики подразумевало, что гражданское общество должно выживать в условиях политики жёсткой экономии, сформированной в качестве реакции на государственный долг. Больницы, детские сады и районные коммунальные сети были созданы для смягчения последствий сокращения государственных расходов. Многие из этих инициатив, сформировавшихся в результате последствий экономического кризиса (т.е. антирост в результате бедствия), такие, как «Клиника солидарно-

сти» в Салониках, действительно напоминают идеи парадигмы «антироста как проекта». С другой стороны, такие инициативы подтверждают вполне обоснованное беспокойство феминисток: особенно в случае Греции, где кризис негативно сказался на женщинах, поскольку они восполняли пробел, созданный политикой жёсткой экономии. В результате кризиса, рабочие места, символически маркированные в большей степени как традиционно мужские, были сокращены, а женщины взяли на себя возмещение большей части прежних государственных услуг, особенно в сфере ухода и деятельности, связанной с социальным воспроизводством. Пример Греции может подтолкнуть феминисток к выводу о том, что антирост в результате бедствия, но также, возможно, как проект может быть очень рискованным для женщин и, может способствовать ретрадиционализации деятельности по социальному воспроизводству и уходу. Опасения со стороны феминисток ещё более подкрепляются научными работами, продвигающими программу антироста, которая не требует радикальной трансформации основных социальных институтов, таких как труд, и не предполагает пересмотра условий, необходимых для улучшения качества жизни для всех. В противоположность этому довольно консервативному пониманию антироста, более радикальные перспективы, такие как оживлённая дискуссия в рамках *Feminisms and Degrowth Alliance* [Альянс феминизма и антироста] (далее *FaDA*), подчеркивают эмансипационный потенциал общества антироста, основанного на принципах, вдохновленных, например, различными формами и традициями феминизма.

Напряжённые дискуссии между феминистскими активистами, учёными и защитниками окружающей среды начались задолго до того, как активизировался дискурс антироста. Например, в концепции поддержания средств существования (*subsistence perspective*), разработанной в Германии в 1980-х годах, подчеркивалась взаимосвязь между проблемами окружающей среды и эксплуатацией женщин и колоний. Специальный выпуск журнала *Ecological Economics* [Экологическая экономика] за 1997 год «*Women, Ecology and Economics*» [Женщины, экология и экономика] стал ещё одной вехой в этом течении. И хотя эта дискуссия всё больше принимается во

“Вклад феминистского движения является значимым для достижения справедливой и ориентированной на солидарность социально-экологической трансформации, которую предполагает антирост”

внимание сторонниками антироста, феминистская аргументация всё ещё не стала неотъемлемой частью этой конкретной утопии.

Мы утверждаем, что вклад феминистского движения является значимым для достижения справедливой и ориентированной на солидарность социально-экологической трансформации, которую предполагает антирост. Во-первых, основная идея экологического феминизма заключается в том, что «природа» (которая в западной традиции мысли рассматривается как «женское начало») и «общественное воспроизводство» (которое, как предполагается, имеет природный «естественный» характер) составляют основу любого производственного процесса в капиталистических экономиках. При этом в рамках капиталистической парадигмы роста и то, и другое структурно обесценивается, становится невидимым и уничтожается изо дня в день. Перспектива антироста должна учитывать параллельные процессы эксплуатации и девальвации социального и экологического воспроизводства и сделать их ключевыми объектами своей борьбы за установление более устойчивых отношений между человеком и природой. Во-вторых, феминистская теория давно эксплицировала отношения власти, заложенные в парадигме роста. Например, анализ взаимосвязи между патриархатом и «парадигмой бесконечного накопления и «роста», представленный Марией Мис (1986), показывает, что взаимообогащение подходов феминистского движения и движения антироста не только возможно, но и необходимо для глубокого анализа структур угнетения при капитализме. В-третьих, феминизм рассматривает заботу как общее дело и стремится к тому, что практики заботы и ухода не были единоличным грузом семьи или частного сектора, как это бывает при сокращении экономики без сущностной трансформации. Интерпретация «устойчивости жизни», предложенная в работах Амайи Перес Ороско, является отправной точкой для плодотворной концептуализации заботы в обществе антироста. «Обобществление заботы» также помогло бы тем, кто осуществляет уход самостоятельно (чаще всего это женщины), и обеспечило бы им публичное пространство для встреч, обмена и выработки политической позиции, как отмечала, например, Сильвия Федеричи. Такой способ организации труда заботы может послужить источником вдохновения для более широкого спектра практик антироста.

Хотя диалог между феминизмом и проектом антироста может быть крайне плодотворным, однако он также сопряжен с рядом трудностей. Некоторые направления

феминизма могут быть менее склонны к участию в таком проекте. Даже среди наиболее вероятных партнёров диалога — экологического феминизма и антироста — различия терминологии, на которые они опираются, может вызвать взаимное непонимание.

Более того, в условиях роста реальной и воспринимаемой опасности надвигающейся экологической катастрофы, любые интервенции могут привести к игнорированию последствий предлагаемых мер для более уязвимых социальных групп, включая тех, кто обычно осуществляет социальное воспроизводство. Как показывает Федеричи (Federici 2018), во всем мире мы сталкиваемся с тревожным ростом насилия в отношении женщин, особенно тех, кто берет на себя ответственность за объединение местных сообществ, с помощью практик поддержания жизни, индигенное знание и заботу. Насилие сопровождается возобновлением волны глобальных компаний «огораживания», проводимых в рамках неолиберальной кампании по защите экономического роста в интересах элит. Вот почему крайне важно, чтобы сторонники антироста, активисты и исследователи, несмотря на нехватку времени, не попали в концептуальную ловушку недооценки роли патриархата, который, как мы указывали ранее, тесно связан с капиталистической парадигмой роста.

Проблема интеграции феминизма в движение антироста обсуждается в оживлённой дискуссии в сети FaDA. Некоторые участники утверждают, что вместо того, чтобы пытаться создать альянс между двумя дискурсами и движениями, тем самым формулируя их отношения как простую возможность и выделяя различия в общей борьбе, следует сосредоточиться на фундаментальных отношениях этих перспектив. Радикальная трансформация общества, выходящая за рамки парадигмы экономического роста, может быть достигнута только путем борьбы одновременно с диктатом капиталистического роста и его глубокими патриархальными корнями. Интеграция феминизма и антироста — это проект, в создание которого приглашаются все заинтересованные. Наш долг — участвовать в глобальном диалоге для того, чтобы создать общество, не ориентированное на капиталистическую версию экономического роста и основанное на принципах феминизма! ■

Адреса для связи:

Анна Заафе-Харнак <anna.saave-harnack@uni-jena.de>

Коринна Денглер <corinna.dengler@uni-vechta.de>

Барбара Мурака <Barbara.Muraca@oregonstate.edu>

> Проблемы стратегии антироста: пример Греции

Гавриил Сакелларидис, Афинский университет, Греция

Демонстрация в Лондоне под лозунгом «Дайте Греции вздохнуть свободно», 2015.

Фото: Sheila (Flickr) (права пользования ограничены).

смачивает общество в контексте стремления производить и потреблять как можно больше.

В свете недавнего глобального экономического спада, последовавшего за финансовым кризисом, международная производственная модель проблематизируется. Хотя экономисты ставят её под сомнение главным образом с точки зрения несбалансированности мировых текущих платёжных операций, со стороны «лагеря сторонников антироста» нарастают критические оценки, которые рассматривают кризис как возможность переориентировать социальные приоритеты в сторону, противоположную стремлению к экономическому росту.

Греция находится в эпицентре общественных дебатов о влиянии введённого режима жёсткой экономии, поскольку страна пережила один из самых глубоких спадов экономики в развитых капиталистических странах со времен Великой депрессии. Сокращение реального ВВП с 2008 по 2017 год составило 28,1%, а уровень безработицы повысился с 7,8% до 21,5% за тот же период (в 2013 году он достиг своего пика и составил 27,5%). Экономический кризис погрузил страну в глубокий социальный кризис, который также отразился на политическом уровне в форме кризиса политического представительства, нашедшем выражение в том, что устоявшиеся политические идентичности и партийная принадлежность прекратили своё существование, в то время как новые только начали формироваться.

Принимая во внимание сложившиеся социальные условия, ключевой вопрос заключается в том, может ли устойчивая и целенаправленная стратегия антироста быть плодотворной. Если нет, как мы считаем, то важно выявить, какие ключевые механизмы делают его реализацию такой трудной. Проблемы, связанные с проектом антироста, не должны рассматриваться как причины для отказа от повестки дня этой программы. Напротив, теоретики антироста должны воспринимать их как барьеры, которые необходимо преодолеть для укрепления своей стратегии.

Как станет ясно из следующих двух параграфов, и политика, рекомендуемая Тройкой, и альтернативы, предлагаемые

Для капиталистических экономик аксиоматичен тот факт, что экономический рост необходим стране для обеспечения процветания её граждан. Однако концепцию роста не следует воспринимать просто как набор доминирующих идей, преобладающих в публичном дискурсе и научных парадигмах. Обожествление идеи экономического роста — это не просто «идеология роста», поддерживаемая влиятельными академическими элитами и политиками, борющимися за голоса избирателей. Напротив, «идеологию роста» следует рассматривать как результат всемогущих законов, регулирующих капиталистический способ производства, генетический код которого включает конкуренцию, капиталистическое накопление и максимизацию прибыли.

Императив экономического роста ставится под сомнение идеологией антироста, которая сформировалась в результате растущей обеспокоенности экологическими угрозами. В двух словах идею антироста можно описать как «справедливое сокращение производства и потребления», ориентированное на социально-экологическое благополучие. Теоретики и активисты антироста утверждают, что существуют конкретные социальные ограничения для экономического роста, обусловленные нехваткой природных ресурсов, изменением климата, продолжительностью рабочего дня, качеством жизни и рядом других факторов. ВВП как показатель экономического процветания считается недостоверным, поскольку он не учитывает ряд значимых переменных, которые не имеют денежного выражения, и, кроме того, рас-

политическими левыми, так или иначе сосредотачивались на идее экономического роста, и поэтому все общественные дебаты также развивались вокруг императива роста.

Стратегия, принятая Тройкой, была направлена на развитие экономики Греции за счёт роста инвестиций и экспорта, на продвижение политики внутренней девальвации и структурных реформ на рынках труда и товаров, а также на реальный валютный курс как стратегию повышения конкурентоспособности и введения греческой экономики в «круг благоприятных возможностей». Тем не менее, результаты такой политики оказались катастрофическими для подавляющего большинства граждан Греции.

Альтернативные политике Тройки пути выхода из кризиса, предложенные левыми, были двойственными. С одной стороны, те, кто выступал за то, чтобы Греция оставалась в еврозоне, но находились в лагере «противников жёсткой экономики», предложили новый «план Маршалла», который должен был увеличить государственные инвестиции и улучшить управление совокупным спросом, тем самым стимулируя частное потребление и инвестиции. В сочетании с реструктуризацией государственного долга Греции эта стратегия должна была обеспечить его устойчивость и создать рабочие места и зарплаты с помощью кейнсианских механизмов. С другой стороны, сторонники выхода Греции из еврозоны утверждали, что принятие новой национальной валюты, номинально девальвированной по отношению к евро, увеличит экспорт и уменьшит импорт, что приведёт к сочетанию экономического роста, обусловленного экспортом, и импортозамещения, в основном на базе развития сферы производства.

Первая проблема в формировании убедительного нарратива экономического роста в Греции связана с устойчивостью государственного долга и его соотношением с ростом производства. С того момента, как Греция столкнулась с кризисом платежеспособности государственного долга, достижение долговой устойчивости стало целью проводимой политики, по крайней мере на уровне риторики. Ключевыми переменными для устойчивости государственного долга являются первичное сальдо бюджета и взаимосвязь между процентными ставками по государственным облигациям и номинальными темпами роста производства. Если номинальный темп роста меньше, чем процентная ставка, срабатывает так называемый «эффект снежного кома», повышающий государственный долг даже при первичном профиците. Рост производства становится наиболее важной переменной, обеспечивающей устойчивость государственного долга. В таких сложных обстоятельствах предложения по стратегии «антироста» остаются малопривлекательными.

Вторая проблема порождена финансовой формой современного капитализма и связана с долговой дефляцией, которая превращает экономику в замкнутый круг «рецессии частного долга». Капиталистические экономики — это экономики производства денег, и балансы составляющих их частей взаимосвязаны сложной финансовой сетью. В условиях чрезмерного частного долга рецессия повышает долговое бремя, что ведет к долговой дефляции.

Третья проблема связана с безработицей и сопутствующими ей социальными издержками. Нет необходимости утверждать, что уровень безработицы, достигший максимума в 27,5% в 2013 году в сопоставлении с 7,8% в 2007 году,

потряс основы греческого общества, а также создал значительные политические риски. Учитывая, что занятость имеет высокую положительную корреляцию с экономическим ростом, политическая повестка дня в Греции неизбежно привязана к стратегии роста и ее приоритетом является решение проблемы безработицы в реальном политическом времени, что ведёт к преобладанию зависимости от пройденного пути. Иными словами, поскольку не было никакой подготовки к реализации стратегии сокращения экономического роста, способной создать новые рабочие места, в общественных дебатах доминировала парадигма «ведения дел как обычно», ориентированная на представления о том, что экономический рост обеспечивает увеличение рабочих мест.

Четвертая проблема связана с тем, что страдающая от отсутствия притока капитала экономика (а именно так выглядела греческая экономика во время рецессии), значительно снижает свои экологические стандарты в целях привлечения инвестиций. Новое законодательство об ускоренных инвестициях подтверждает вышеуказанную тенденцию. Существует множество примеров инвестиций, которые могли бы вызвать социальное сопротивление до кризиса, но в настоящее время считаются социально легитимными. К ним относятся новые проекты по добыче полезных ископаемых, включая новые золотые рудники в Халкидики в Северной Греции, или договоры на проведение поисково-разведочных работ, которые греческое правительство подписало с нефтяными компаниями для разработки запасов нефти и природного газа в Ионическом и Критском морях. Другим примером этой жажды экономического роста является уступка бывшего афинского аэропорта в Хеллинико, который нынешнее правительство ранее обязалось превратить в столичный парк, в распоряжение большого проекта по недвижимости под давлением иностранных и внутренних инвесторов.

Экономическая природа проблем, которой должна противостоять «программа антироста», не предполагает принятия экономизма. Однако это создает определённые ограничения, которые должны быть проанализированы, ввиду своей значимости в «экономике роста». Избегать этих ограничений, так как они являются «аспектами экономизма», означает просто игнорировать реальность и ослаблять возможности реализации стратегии антироста.

В то же время было бы несправедливо утверждать, что альтернативные методы организации производства или проблематизация структуры потребления не возникли в Греции во время кризиса. Напротив, появился целый ряд таких инициатив, хотя и на местном уровне, включая банки времени, городское садоводство, сети сельскохозяйственных товаров «без посредников» и даже самоуправляемые бизнес-структуры. Тем не менее, эти инициативы часто носили фрагментарный характер и не могли стать жизнеспособной альтернативой, особенно в сложных условиях глубокой рецессии. Тем не менее, они включают в себе семена контр-парадигмы социальной организации, идеологически ставя под сомнение доминирующее восприятие социальных потребностей и переориентируя людей на сохранение окружающей среды и экономическую демократию. Такие инициативы противостоят экономизму и делают социальные потребности центральными в моделях производства и потребления. ■

Адрес для связи: Гавриил Сакелларидис
<Gabriel.sakellaris@gmail.com>

> Чили:

от неолиберализма к обществу построста?

Хорхе Рохас Эрнандес, Университет Консепсьона, Чили

Для дальнейших изменений необходимы практические и утопические представления.
Иллюстрация: Times Up Linz (Flickr) (права пользования ограничены).

Историю государства Чили можно назвать относительно короткой. Однако за это время страна пережила смену нескольких экономических, социальных, культурных и политических режимов. Некоторые правительства обещали населению страны реформы или революции, что приводило к жестким и глубоким конфликтам. В 1938 году к власти пришло правительство левоцентристского альянса «Народный фронт», но его полномочия длились недолго. В 1964 году Эдуардо Фрей Монтальва победил на президентских выборах как кандидат от Христианско-демократической партии. Его правительственная программа «Третий путь», представленная как альтернатива социализму и капитализму, характеризовалась структурными реформами и сильной политизацией общества. Главной целью правительства была аграрная реформа.

С 1970 по 1973 год у власти был Сальвадор Альенде, возглавлявший известное всему миру правительство «Народного единства» — союза социалистов, коммунистов и других небольших левых партий. Альенде национализировал основные сектора экономики — банковское дело, сельское хозяйство, добычу меди и ключевые отрасли промышлен-

ности. Правительство Альенде стало результатом «великого наступления» на чилийский государственный аппарат; оно ставило перед собою цель добиться большего равенства и справедливости для рабочего класса и других более бедных социальных слоёв общества. Наряду с парадигмой прогресса, реформы того периода были частью освободительной политической кампании шестидесятых. К сожалению, в 1973 году этот эксперимент по демократическому социализму неожиданно завершился военным переворотом.

Вместе с неолиберальными экономистами военная диктатура реализовала радикальную политику приватизации. Цель состояла не просто в том, чтобы изменить экономическую модель чилийского общества, но также предполагала глубокую социальную трансформацию его и формирование новой социальной и культурной модели неолиберального, рыночного, деполитизированного и индивидуализированного общества, преимущественно ориентированного на потребителя. В этом обществе рост и конкуренция были определены как «оправданные» средства социального прогресса и личного счастья. Государство должно было всё больше сокращать контроль над экономикой и её социальными функциями.

>>

ми. Такая парадигма продолжала существовать в процессе демократизации 1990-х годов.

Политика приватизации и индивидуализации неизбежно привела к фрустрации и страху за будущее, которые охватили широкие слои чилийского населения. В результате возникли протестные и гражданские движения, такие как, например, в 2006 году протестное движение «Пингвины» — студенческая инициатива, требующая улучшения качества государственного образования. За ним в 2011 году последовало массовое студенческое движение, требующее бесплатного университетского образования. Эти движения внесли свой вклад в формирование новых государственных программ. Процессы перемен идут сложно и медленно, но, в конечном итоге, оказывают позитивное воздействие на политику и социальную сферу.

В начале XXI века теории развития, объясняющие сегодняшние социально-экологические, климатические и институциональные кризисы, похоже, окончательно себя исчерпали. Тем не менее, в индустриальных обществах доминирует инструментальная рациональность, которая отделяет человеческую деятельность от природы, что приводит к глубоким изменениям в экосистемах, климате и социальной жизни. В настоящее время человеческая деятельность характеризуется безусловно высокой производительностью труда на Глобальном Севере и направлена на экстракцию ресурсов в регионах Глобального Юга. Реализация неолиберальных представлений о прогрессе и росте, стремление к модернизации и новая парадигма глобализации привели к тому, что на нашей планете нарушены границы экологически допустимого и социально приемлемого действия. Этот тренд захватывает и чилийское общество. Сегодня мы весьма далеки от построения экологически и социально ответственной и устойчивой социальной системы.

Трансформации, реализованные в Чили насильственным путём через военный переворот, сегодня переживаются во многих странах в форме медленных, но устойчивых процессов неолиберальных трансформаций, связанных с глобализацией. Чилийская неолиберальная модель 1980-х годов явила ранний пример того, что экстернализация производства ведёт к формированию более гибкого рынка труда и нового класса прекариата. Сегодня подобное воздействие оказывают глобализационные процессы. К этому следует добавить новую технологическую революцию, которая только начинается, и сопровождается массовой потерей рабочих мест во всем мире. Экологические кризисы и изменение климата также заставляют нас задуматься о том, каким образом ущерб, наносимый окружающей среде, и бедствия, вызванные климатическими изменениями, повлияют на рынок труда. Все эти факторы приводят к социальной дезинтеграции и новым неравенствам. В результате недовольство граждан растёт. Недостаток социальной интеграции, очевидный во многих странах, в настоящее время ставит под угрозу сложившиеся демократии, индивидуальные и гражданские права и может, в конечном счете, способствовать разрушению обществ. Несмотря на это, во всем мире, включая Чили и другие страны Латинской Америки, создаются социальные и экологические движения, требующие не только решения конкретных проблем, но и проведения реформ, ориентированных на удовлетворение потребностей граждан.

Способствуют ли кризис неолиберализма и существующая модель экономического роста появлению новых мо-

делей построста? Правые популистские тенденции, которые с тревогой можно наблюдать во многих странах, похоже, свидетельствуют о другом. Правые представляют силу, противодействующую уже начатым социально-экологическим и либеральным трансформационным процессам. Однако вполне может случиться и так, что нынешние социальные и экологические движения, возникшие в ответ на современные кризисы и в противовес правой популистской политике, будут укрепляться и консолидироваться. Например, в Чили в последних президентских и парламентских выборах участвовал новый левый альянс, *Frente Amplio* [Широкий фронт]. Менее чем за два года своего существования он получил 20% голосов и теперь представлен в парламенте страны. В отличие от традиционных левых, эта группа ориентирована на новые концепции политики, общества и природы.

Тем не менее, в настоящее время появляются и другие интересные феномены. Чили сегодня является одной из ведущих стран в развитии новых альтернативных форм бизнеса, так называемых *Empresas B* («Б-корпорации» или «некоммерческие корпорации»), которые основаны молодым стартап поколением, обладающим высоким уровнем социальной и экологической грамотности. Их доля на рынке постоянно увеличивается. В настоящее время во всей Латинской Америке адаптированные модели международной сертификации принимают во внимание такие факторы, как экологическая и социальная устойчивость, инновационный потенциал и качество работы в компании. Этот новый динамизм приводит к появлению новых культур труда и образа жизни.

К концу 2017 года в Латинской Америке насчитывалось 450 сертифицированных *Empresas B*, из них 130 — в Чили. Они являются частью нового *Global Movement B* [Глобального движения Б] и *Sistemas B* [Б-Системы], т.е. примерами бизнес-моделей, основанных на социально-экологической этике. Их эффективность может быть оценена с помощью таких показателей, как общественное благосостояние, устойчивый способ взаимодействия с существующими экосистемами, следование идеям биоэкономики и переработки мусора, а также новым формам сотрудничества. Таким образом, создаются национальные *Sistemas B*, и так называемая *Academia B* оказывает им поддержку в форме научных исследований. В настоящее время программы Министерства экономики и развития, а также Корпорации развития (*CORFO*) Чили содействуют развитию этих процессов, с целью обучения будущих сотрудников и создания квалифицированных рабочих мест.

В конце 2018 года более 1000 человек из 30 стран приняли участие в Первой всемирной встрече *Movement B* [Би Движения] в Пуэрто-Монте, Пуэрто-Варасе и Фрутильере на юге Чили. Подобные инициативы представляют собой результат культурных и политических трансформаций последних десятилетий. Современное молодое поколение отдаёт предпочтение таким ценностям, как независимость, свобода, демократия широких масс, креативность и инициативность, уважение, терпимость, солидарность и экологическая грамотность.

Мы надеемся, что эти новые подходы к обеспечению устойчивого экономико-экологического развития будут получать политическую поддержку и отразятся в будущих государственных программах и расстановке политических сил. ■

Адрес для связи: Хорхе Рохас Эрнандес <vrojas@udec.cl>

> Экофеминистская социология

как новый классовый анализ

Ариэль Саллех, Университет Сиднея, Австралия, член исследовательских комитетов МСА по окружающей среде и обществу (ИК24), социальным движениям, коллективным действиям и социальным изменениям (ИК48)

Экологический феминистский подход формируется на основе практики повседневной жизни. Именно поэтому его трудно объяснить хорошо известными факторами формирования общественных движений, которые обозначены доминирующими политическими идеологиями. Например, в 1980–1990-х годах экофеминисты подвергли критике недостаток гендерной проблематики в философии «глубокой экологии». Они не отрицали экологические цели этой философской программы, а скорее, стремились донести мысль о том, что, планетарный кризис порожден быстро глобализирующейся системой капиталистических патриархальных институтов и ценностей. По этой причине антикризисные решения должны изменять «культуру маскулинного права», которая поддерживает эту систему. Полемика, известная как «дискуссия по экофеминизму/глубокой экологии» продолжалась более десяти лет на страницах американского журнала *Environmental Ethics* [Этика защиты окружающей среды]. Сходным образом на основе практики роста сознания экофеминистские теоретики выступают с критикой марксистского подхода. В последнее десятилетие статьи в журналах *Capitalism. Nature. Socialism* [Капитализм, Природа, Социализм], *Journal of World-Systems Research* [Журнал исследований мировых систем] и др. расширяют общественное понимание экофеминизма как критической социологии. Моя позиция заключается в том, что современная глобальная конъюнктура требует новой социологической перспективы классового анализа. Поэтому в настоящей статье проводится краткое описание исторической траектории и центральных идей направления, которое я называю «воплощённым материализмом».

> Воплощённый материализм

Репродуктивный труд является основой любого общества. Благодаря практическому опыту такого труда матери учатся поддерживать биологические циклы в организме ребёнка, о котором они заботятся. Точно так же крестьяне и собиратели настраивают и восстанавливают природные циклы, работая на земле. Эти неоплачиваемые работники в значительной степени невидимы в мировой экономике, не получили должного признания в социологии и не осмыслены как категория трудящихся в марксизме. Однако можно утверждать, что вместе эти три группы работников — матери, крестьяне и собиратели — образуют класс, время которого приходит именно сейчас, благодаря его материальным навыкам обеспечения жизни на Земле.

Понятие «экологический феминизм» широко используется для характеристики политики, которая рассматривает экологию и феминизм как совместно действующие силы. Экологический феминизм формируется, когда условия жизни в городских кварталах и сельских общинах становятся уязвимыми в отношении разных рисков. В труде по обеспечению жизни могут участвовать женщины и мужчины, но, поскольку в основном именно женщины по всему миру социально позиционируются как лица, осуществляющие заботу-уход, и обеспечивающие питание, то, как правило, в первую очередь в сообществе именно женщины принимают меры по защите окружающей среды. Меры такого рода универсальны, независимо от региона, класса или этнической принадлежности; то есть они уникально интерсекциональны. На каждом континенте мира начиная с 1970-х годов женщины, реагируя на ущерб, наносимый окружающей среде и сопутствующий моделям капиталистического развития и консьюмеризма со времён Второй мировой войны, организовали деятельность, которую они называли «экофеминизмом». Независимо от того, выступают они против загрязняющих токсических веществ, вырубке леса, атомной энергетики или агропромышленности, их политика всегда связана с «локальным» и «глобальным». Немецкие экофеминистки, такие как Мария Миис, считали себя преемницами социалистических идей Розы Люксембург.

В 1980-е годы также наблюдался стремительный рост «новых социальных движений» — против ядерного оружия (*anti-nukes*), Чёрная сила (*Black Power*), Женское освободительное движение (*Women's Lib*), В защиту земельных прав коренных народов (*Indigenous land rights*). Марксисты были правы в своём скептицизме относительно того, что радикальная экология будет поглощена партиями «зелёных» и технократическими профессионалами. Феминизм изменил своё направление под влиянием либерального индивидуализма и превратился в переговоры с государством по одному единственному вопросу о равенстве

>>

Пример того, как «мета-промышленный труд» становится экономически достаточным и способствует экологической устойчивости. Фото: Ариэль Саллах.

прав. Следующая фаза развития экофеминистского движения началась после Саммита Земли (Конференция ООН по Окружающей среде и развитию) 1992 года, который активизировал неоколониальную политику Глобального Севера во имя защиты окружающей среды. В настоящее время Всемирный генеральный план региональных соглашений открыл путь для централизованной разработки индигенных почв и корпоративных патентов индигенных лекарственных растений. Экофеминисты, такие как Вандана Шива и другие, присутствовали на Саммите Земли в Рио и сделали всё возможное, чтобы противостоять этим мерам. Вскоре, как отмечает перуанский социолог Ана Исла, Рамочная конвенция ООН об изменении климата вынудила уязвимых участников соглашений идти на дальнейшие уступки. Двадцатый век завершился битвой при Сизтле, где международный массовый протест антиглобалистов противостоял Всемирной торговой организации. Это широкое движение за народную альтернативу глобализации провело свой первый Всемирный социальный форум в 2001 году.

> Глобализация: деколонизация

Расширение неолиберальной свободной торговли деморализовало пролетариат в метрополиях, так как сопровождалось перемещением рабочих мест на Глобальный Юг в оффшорные зоны производства товаров на экспорт с низкой оплатой труда. Однако у многих акторов, находящихся на геополитической периферии, повестка дня была позитивной — деколонизация. В Бразилии сторонники активного движения *Landless People's Movement* (Движение безземельных людей) говорили об эко-деревнях и продовольственном суверенитете. В Эквадоре женщины, принадлежащие к движению *Acción Ecológica* (Экологические действия), выдвинули концепцию «экологического долга», чтобы охарактеризовать колониальное расхищение природных ресурсов на протяжении пятисот лет. Современное разграбление природных ресурсов, с их точки зрения, осуществляется в форме процентов Всемирного банка по кредитам на цели развития; и продолжающейся деградацией источников жизнеобеспечения в результате экономики безудержной эксплуатации сырьевых ресурсов. На Саммите по климату в Кочабамбе (Боливия) в 2010 году также было уделено внимание проблемам справедливости и устойчивого развития; были представлены способы продовольственного снабжения, практикуемые в Андах, представляющие альтернативу энергоёмкому производственному обеспечению. Знак равенства между индустриализацией и прогрессом был поставлен под вопрос.

После финансового кризиса 2008 года возникло глобальное молодежное движение *Оссиру*. Протестуя против класса капиталистов, они разбили лагерь возле фондовой биржи Уолл-стрит, в Германии они блокировали франкфуртские банки. Другая полити-

ка, основанная на защите «ценностей воспроизводства», проявилась в средиземноморских государствах, где прокатилась серия протестов против программ жёсткой экономии, продвигаемых Европейским Союзом. Испанские *indignados* (индиньядос, Движение против жёсткой экономии) начали развивать экономически самодостаточные кварталы. На конференции ООН по устойчивому развитию «Рио+20» в 2012 году представители бизнеса, политики и участники Программы ООН по окружающей среде активизировали продвижение «Нового зелёного курса». Мы рассцениваем их действия как пиар-ход в направлении нанотехнологической биоэкономики. И снова экофеминисты бросили им вызов. Позже учёные собирались в Лейпциге и Будапеште, чтобы обсудить концепцию антироста, однако экофеминистское видение дальнейшего развития жизнеобеспечения (например, идеи Вероники Бенхольд-Томзен) всё ещё остаётся непризнанным. Сегодня Фонд Розы Люксембург исследует сближение экофеминизма и другие политики, ориентированные на развитие сообществ, таких как *buen vivir* в Южной Америке, *ubuntu* в Южной Африке и *swaraj* в Индии.

Существует большой корпус литературы по экофеминизму, который часто используют в образовательных целях в университетах. В этих текстах отмечается, что в условиях капиталистической патриархальной культуры отчуждение и коммодификация природы переключается с отчуждением и коммодификацией труда женщин. Традиционные аллюзии к образу матери-природы — это нечто большее, чем просто метафора. Как отмечает Грета Гард, в экофеминистских сетях в настоящее время распространена сострадательная этика веганства, проводятся регулярные международные встречи, посвященные заботе о животных (*Minding Animals*). В Африке женщины, чьи источники жизнеобеспечения находятся под угрозой из-за добычи полезных ископаемых вблизи их деревень, создали континентальную сеть *WoMin*, выступающую против безудержной эксплуатации сырьевых ресурсов и выдвинули собственный экофеминистский манифест об изменении климата. «Аппалачские матери» в США предпринимают прямые действия против разрушения горных массивов в результате угледобычи. Индийская школа *Navdanya School*, специализирующаяся на экологическом самообеспечении, «создаёт банк» индигенных семян, чтобы спасти их от патентования в качестве препаратов фармацевтическими кампаниями. В китайском городе Сычуань крестьянки восстанавливают плодородие почв, возрождая многовековые органические методы. А в Лондоне домохозяйки добровольно посвящают своё время восстановлению водосборного бассейна реки Темзы после столетий эксплуататорского обращения.

> Антропоцентризм: эоцентризм

Когда активисты или, скажем, социологи Исследовательского комитета МСА по социальным движениям, коллективным действиям и социальным изменениям (ИК48) не понимают, что экологические, рабочие, женские и индигенные движения объединяет логика воспроизводства, возникает разрушительная изоляционистская «политика идентичности», при которой права одной группы противопоставляются правам другой. Это ограниченное социологическое воображение является выражением антропоцентрического западного дуализма противопоставляющего «человека» и «природу» — этого традиционного «здорового смысла», который воспроизводится в процессе социализации каждого нового поколения.

К сожалению, процесс глобализации всё ещё зиждется на древней дискурсивной легитимации иерархии, представленной Аристотелем в его труде «Великая цепь бытия». Античный философ ставит богов, царей и мужчин на вершину общественной жизни, наделяя их властью над подчиненными, такими как женщины, индигенные племена и природа. Старое аристотелевское

>>>

заклинание определяет направление истории таким образом, что на протяжении веков женщины и пленённые рабы становятся просто объектами. Евроцентричные институты, от религии и права до экономики и науки, были созданы для того, чтобы служить «маскулинному праву» — по умолчанию неизменной международной позиции, характерной для либералов и социалистов. Как отмечает экофеминистский историк науки Кэролайн Мёрчент, в эпоху Просвещения тела и природа концептуализировались как машины, части которых должны управляться математическими формулами. Эта отчуждённая от жизни культура незаменима для функционирования капитализма и поддерживается в социологии некоторыми модернистами-экологами Исследовательского комитета по окружающей среде и обществу (ИК24), которые считают, что технологические инновации могут спасти окружающую среду. Тем не менее, автоматизированное будущее не будет легко «дематериализовываться», обеспечивая устойчивость и создавая справедливые отношения. Аналогичным образом, челночная экономика или переоценка труда заботы со стороны феминистских экономистов, вновь поглощаются логикой капитала.

Во время экологического кризиса люди должны уметь мыслить в рамках парадигмы эгоцентризма. Перед преподавателями социологии это ставит сложную задачу, так как радикально мыслящие студенты не склонны двигаться в направлении к политической экологии или даже к гуманитарной географии. Однако специалисты-модернисты могут многое почерпнуть в эгоцентризме индигенных эпистемологий и анализе, основанном на опыте женщин, занятых органическим трудом по уходу за больными нуждающимися.

Дискурс «человечество vs. природа» не позволяет левым, а особенно постмодернистским, феминисткам всерьёз воспринимать эту маргинальную репродуктивную рабочую силу как политических акторов. Обычное обвинение со стороны политических левых состоит в том, что экофеминистки приписывают политические взгляды женщин врожденной «женской сущности», что совершенно бессмысленно. Экофеминистские представления не опираются на какую-либо концепцию биологического мира, особое видение экономических структур или интерпретацию культурных нравов, хотя все эти параметры влияют на деятельность человека. Скорее, экофеминистская эпистемология основана на понятии труда: на создании и переосмыслении знаний и навыков в ходе взаимодействий с живым материальным миром. Люди, которые работают автономно, за пределами огромных производств — лица, осуществляющие заботу и уход; фермеры, собиратели, — используют свои чувственные способности и могут более точно выстраивать резонансные модели взаимосвязи одного объекта с другим.

> Регенеративный труд

Временные образующие границы описываемого нами эгоцентричного рабочего класса являются межпоколенческими и, таким образом, по своей сути, ориентированными на экологические принципы. Масштаб взаимодействия небольшой — он ограничен сферой интимных отношений и максимизирует возможность работника чутко реагировать на трансферты материи и энергии в природе или в человеческом теле (к которому относятся как к природе, нуждающейся в сохранении). Данное утверждение основано на опыте, полученном методом проб и ошибок в ходе оценки состояния экосистемы или физического здоровья на протяжении полного жизненного цикла. Разнообразные потребности видов или возрастных групп сбалансированы и согласованы. В тех случаях, когда в местной экономике и экономике, обеспечивающей источники существования, применяется синергетическое решение проблем, принятие решений, ориентированных на множественные критерии, становится вопросом здравого смысла. Когда нет разделения между ментальными и

практическими навыками, тогда ответственность прозрачна; продукт труда не отчуждается от работающего человека, как это происходит при капитализме — он используется сообща. Здесь линейная логика производства заменяется круговой логикой воспроизводства. Фактически, обеспечение жизни, таким образом, становится одновременно и национальной наукой, и прямым политическим действием.

Экологический феминизм выступает за синергетическую политику, способствующую обеспечению средств существования; квалифицированные рабочие места, солидарность, культурную автономию, осознание гендерных и сексуальных различий, обучение, расширение прав и возможностей и духовное обновление. Примеры таких действий можно найти в Эквадоре у матерей и бабушек, проживающих в предместьях Набона, разрушенных девелоперами. Они занимаются посадкой зеленых заградительных полос, которые препятствуют эрозии почвы, восстанавливают старые водосборы и водотоки. Такой творческий и предусмотрительный подход позволяет им сохранить плодородие почв и снизить масштаб разрушений. Таким образом местные жительницы вносят свой вклад в преодоление глобального климатического кризиса. Той же стратегии придерживается Междunarодный крестьянский союз *Via Campesina* [Крестьянский путь], утверждая, что «маломасштабное жизнеобеспечение способствует охлаждению Земли».

Репродуктивная работа создаёт «способы знания», основанные на признании ценности отношений между людьми, которые противостоят механистическому насилию западного инструментального разума. Если радикальная политика не будет опираться на этику заботы, она с неизбежностью вернётся к той логике Просвещения, которая считает Землю и ее население неисчерпаемым ресурсом экономики роста. В то время, как линейная рационализация современной промышленности нарушает природные циклы, оставляя за собой разрушение и энтропию, метаиндустриалы, которые поддерживают жизненные процессы, развивают негласные эпистемологии, выражающие альтернативную форму человеческого созидания. Рабочая сила, занятая таким трудом, покупается капиталом на свободном рынке; ее поставщиками являются внутренняя и географическая периферия капиталистической мир-системы. Труд воспроизводства фактически является предпосылкой капиталистического способа производства. Иными словами, этот уникальный класс работников существует «внутри капитализма», при этом его деятельность способствует производству прибавочной стоимости. И при этом репродуктивный труд также осуществляется «вне капитализма», будучи самодостаточным и необходимым при любой системе. Мой термин «мета»(индустриалы) указывает на существование фундаментальной структуры, которая поддерживает репродуктивную деятельность на локальном уровне.

Эко-достаточные экономики не экстернализируют затраты, поскольку они не эксплуатируют чужие тела, и при этом они также не экстернализируют отходы производства в виде «загрязнений». Навыки регенеративного труда необходимы для устойчивого глобального будущего, и примечателен тот факт, что они уже осваиваются большинством трудящихся во всем мире. Это признание даёт метапромышленному классу большую власть, и он может выступать как исторический актор на международной политической арене. Классический интерес социализма к эксплуататорским «производственным отношениям» — при всем его значении, актуальном до сих пор, — отодвигает на второй план проблему угнетения, т.е. исследование репрессивных «отношений воспроизводства». И все-таки в работах Маркса есть пассажи, которые вполне могли бы характеризовать «класс метаиндустриального труда», если бы гуманистический фокус этого мыслителя был бы менее ограниченным, патриархальным и евроцентричным. ■

Адрес для связи: Ариэль Саллех <ariel.salleh@sydney.edu.au>

> Бразилия-2018:

средние классы смещаются вправо

Лена Лавинас, Федеральный университет Рио-де-Жанейро, Бразилия; **Гильерми Лейти Гонсалвес**, Государственный Университет Рио-де-Жанейро, Бразилия

Начиная с февраля 2018 года, постоянное мощное присутствие военных и полиции стало нормальной частью уличной жизни в Рио. Фото: EBC – Empresa Brasil de Comunicação/Agência Brasil. Лицензия Creative Commons.

В 1990-е годы средние классы продолжали поддерживать президента Лулу, который в 1994 и в 1998 гг. проиграл выборы Фернанду Энрики Кардозу. В 1994 году большинство избирателей, поддержавших Лулу, принадлежали к социально-экономическим слоям, доходы которых составляли от двух до десяти минимальных окладов. Его избиратели также имели наивысший уровень образования. В 1998 г. Кардозу поддержали все доходные группы населения, но его поддержка была особенно сильна среди наименее образованных избирателей. В это время Лулу поддерживали наиболее образованные граждане.

Эра Кардозу характеризовалась политиками монетарной стабильности, приватизации и фискального затягивания поясов. Все это привело к рецессии. Глубокое реструктурирование бразильской экономики поставило средние классы в трудное положение, вызванное, прежде всего, сокращением занятости в традиционных профессиях, распространением импортозамещающей модели (которая увеличила число технических и бюрократических позиций), снижением оплаты труда и нехваткой хороших возможностей трудоустройства. Утрата социальных позиций привела к тому, что во время выборов 2002 года средние классы поддержали Лулу, что привело к власти первого президента, поддержанного Партией трудящихся Бразилии. К 2006 году средние классы ослабили поддержку Лулы. Это падение поддержки усилилось в 2010 и 2014 годах, когда кандидатом от ПТ была Дилма Русеф, победившая в обеих кампаниях. Медленно, но верно, избиратели, принадлежащие к средним классам, смещали свою поддержку в сторону правых политических сил.

В 1980-е Латинская Америка покончила с военными диктатурами, которые несколько десятилетий тормозили социальное развитие в этих странах. Начался демократический транзит. Когда переход к демократии вышел за пределы формального набора гражданских прав и начал казаться более реальным проектом, он столкнулся с экономическими кризисами и пактами элит.

В Бразилии медленный, постепенный и безопасный переход, который провозгласил еще предпоследний военный президент Эрнесту Гейзель, включал все эти противоречия. Всеобщая амнистия, сделка между политическими, экономическими лидерами и вооруженными силами оставили без внимания жертв политических репрессий и семьи, в которых были пропавшие. В таких странах, как Аргентина, Боливия, Чили, Гватемала, Перу и Уругвай были заключены сходные сделки; однако в этих странах виновники преступлений, среди которых были в некоторых случаях бывшие главы государств, были осуждены и отбывали различные сроки тюремного за-

ключения. В Бразилии Комиссия по установлению истины (2011–2014) делала попытки сохранить память о политике государственного насилия, но ее рекомендации остались мёртвыми буквами.

Несмотря на определенные ограничения, бразильская редемократизация создала пространство большего политического участия. Средние классы сыграли фундаментальную роль в реорганизации гражданского общества, борющегося за продвижение антирасистских и феминистских политических программ. Эти классы сыграли решающую роль в проведении Учредительного собрания 1987 г. и последующих выборах. В 1989 г. средние классы поддержали Луиса Инасиу Лулу да Силва (Лулу), кандидата в президенты страны, выдвинутого Партией трудящихся (ПТ). Однако на этих выборах победил Фернанду Колор ди Мелу, представляющий идею преемственности элит, опиравшихся на военный режим. Как только в 1992 году прозвучали первые обвинения Колора в коррупции, средние классы массово поддержали импичмент первого бразильского неолиберального президента.

> Прорывная экспансия в период президентства Лулы и Дилмы

Лула стал президентом в 2003 году в разгар экономического спада и сокращения экономического роста, которые наступили, несмотря на финансовую стабильность, достигнутую благодаря «Plano Real». Победа над инфляцией не смогла сократить масштабы бедности и неравенства и обеспечить восходящую социальную мобильность средних классов.

Экономическое восстановление, которое стало явным в первый срок правления Лулы (2003–2006), продолжилось в течение второго срока его правления (2007–2010). Первоначально бум товарных цен способствовал росту экспорта и экономическому росту. Эти годы отмечены существенным ростом формальной занятости и среднего душевого дохода. Минимальная оплата труда выросла более чем на 70%, превывсив в значительной степени рост инфляции. Одновременно была запущена программа борьбы с бедностью, которая обеспечила скромную, но устойчивую поддержку 14 млн. семей. Доступ к новым формам кредитов привел к поразительному росту финансовой инклюзии. Успех всемирно известной программы *Bolsa Família* объясняется именно резким ростом монетизации наиболее уязвимых секторов общества, которые получили возможность участвовать в массовом потребительском рынке.

В то же время развивались процессы приватизации. Приватизация здравоохранения, сопровождающаяся сокращением финансовой поддержки общественного здравоохранения, привела к впечатляющему росту спроса на частные планы страховки. В сфере высшего образования все больше предпочтения граждане стали отдавать частным учебным заведениям. К 2015 году 75% студентов обучалось в частных вузах. Красноречива статистика студенческого займа: 51% студентов не выполняют своих долговых обязательства (общая сумма студенческого долга составляет 5 млрд. долларов). Половина заемщиков не имеют средств на дальнейшие выплаты.

Завышенная оценка реала стимулировала рекордный рост импорта и в конечном счёте подорвала производство. Одним из важных последствий политики Партии трудящихся стало возвращение центрального значения первичного сектора экономики, который реагировал не только на рост глобаль-

ного спроса на сырьё, но и на коалицию правительства с агробизнесом.

Экономический рост стал снижаться в первый год правления администрации Дилмы (2011). Улицы стали местом выражения недовольства «новых средних классов». Термин «новые средние классы» использовался, чтобы обозначить пространство, где не работают барьеры социальной мобильности, что позволяет низкодоходным группам населения следовать тем же паттернам потребления, что и средние классы. Затем наступил июнь 2013 года, ставший свидетелем массового движения с требованиями улучшения работы общественного транспорта, здравоохранения и жилищных условий.

Чтобы лучше понять этот процесс, необходимо учитывать, что рост доходов и падение цен в 2006–2013 гг. сопровождалось ростом цен на услуги образования, здравоохранения, детских учреждений, заботы о пожилых, который в значительной степени превысил средний темп инфляции и оплаты труда. В то время как легко доступные, но дорогие, кредиты удовлетворяли мечты о потреблении, все большее число граждан становилось жертвами чудовищных долгов, поглощавших значительную часть доходов домохозяйств. Сегодня около 63 млн. взрослого населения Бразилии находится в долгу у финансового сектора экономики.

> Средний класс и крайние правые

Средние классы погрязли в долгах и испытали разочарование, столкнувшись с противоречиями последовательных стадий прорывной экспансии, последовавшей за редемократизацией. Этот опыт сопровождается также деполитизацией, которая была характерна для периода экономического бума. Все это ставит средние классы в волатильную позицию в отношении политических платформ и готовит их переход в лагерь крайне правых.

Первый элемент данного дискурса — призыв к возврату военной диктатуры, которая превозносится как лучший период бразильской истории. Такой поворот поддерживает политика умолчания государственного насилия, характерно для этого периода, которая продвигается пактом элит в ходе редемократизации.

Вторая характеристика дискурса крайне правых заключается в том, что они описывают социальное напряжение в националистических шовинистских этно-расистских и дискрими-

национных категориях. Такой дискурс отображает нестабильность позиции (*insecurity*) средних классов, называя врагами, ответственным за состояние общества, сторонников левых политических сил, женщин, гомосексуалов, черных, коренные народности и всех тех, чей социально-политический статус беспрецедентно вырос в последнее время. Подавление инаковости, характерное для дискурса крайне правых, стремится сохранить привилегированную позицию тех, кого рынок социально понизил. Важнее всего то, что крайне правые усиливают недовольство президентской администрацией Лулы и Дилмы, которое проявляют средние классы. «*Antipetismo*» (крайне правое движение «антипетизм») представляет собой дистилляцию политической и экономической фрустрации в форму личной ненависти и проявления насилия.

Язык ненависти, который используют правые, основан на натурализации государственной политики насилия против бедных и рабочего класса, которая иллюстрируется статистическими данными. Начиная с февраля 2018 года, когда армии разрешено было войти в Рио, от рук полицейских или военных каждые шесть часов погибает один человек. Целевая группа насилия — темнокожие мужчины, живущие в фавелах. Призывы бороться с насилием средствами насилия, несмотря на очевидную безрезультативность таких стратегий, стали стандартными для средних классов, которые объясняют отсутствие безопасности в городах нехваткой государственной власти, которая должна быть восстановлена любой ценой.

На последних выборах победил кандидат крайне правых, бывший армейский капитан Жаир Болсонару, который получил основную поддержку высокодоходных и средне доходных избирателей. Фернанду Адада, кандидат Партии трудящихся, получил поддержку бедных и самых низко образованных слоев. Мы видим, насколько различаются группы поддержки этих кандидатов. Наконец, в настоящее время мы наблюдаем два новых элемента Бразильской политической сцены, которые тесно связаны друг с другом. Во-первых, мы видим, что Болсонару получил большую поддержку во всех социальных группах. Во-вторых, наблюдается безразличие и пренебрежение демократическими правилами среди тех классов, которые сыграли ключевую роль в бразильской редемократизации. ■

Адреса для связи:

Лена Лавинас <lenalavinas@gmail.com>

Гильерми Лейти Гонсалес <lguilherme.leite@uerj.br>

> Популизм, идентичность и рынок

Айше Бугра, Босфорский университет, Турция

Недавний валютный кризис в Турции демонстрирует, какой ущерб экономике страны может нанести нарушение закона с целью сохранения автономии центрального банка. Фото: Айше Бугра

Начиная с 1990-х гг. термин «популизм» стал широко использоваться для обозначения нового типа антилиберальной идеологии, характерной для определённых политических партий и их лидеров, получивших популярность в различных странах. Одной из ключевых характеристик популизма является моральная претензия на эксклюзивность репрезентации. Такая амбиция подвергает сомнению легитимность любой оппозиции. Претензия на эксклюзивность репрезентации народных интересов формирует основу представлений, согласно которым демократически избранное правительство само может представлять угрозу демократии. Однако эта угроза не всегда может быть осмыслена, поскольку ни дискурс популистской партии, ни ее политическая позиция до прихода к власти, не указывает на нее. Черты популистской политики обычно формируются в ходе постепенного динамичного отклонения от норм и институций репрезентативной демократии. На основе этих наблюдений мы полагаем, что природу популизма легче понять, если рассматривать его как процесс, а не как устойчивую сложившуюся идеологию, имеющую чёткие признаки.

> Процесс становления правого популизма в Турции

Когда к власти в Турции пришла Партия справедливости и развития (ПСР), ее лидеры описывали свою идеологическую позицию термином «консервативная демократия». Таким образом, они стремились отвести опасения, вызванные исламистским прошлым этой партии. Политическая социализация основателей партии проходила в рамках Исламистского национального движения; многие из них занимали видные посты в коалиционном правительстве Партии благоденствия (ПБ), которая прекратила свое существование в 1997 г. из-за своей антисекулярной ориентации. Тем не менее, лидеры ПСР заявили, что их партия оставила позади свое исламистское прошлое, и эти заявления показали вполне убедительными многим турецким гражданам и были восприняты с доверием во всем мире. Выраженная приверженность ПСР рыночной экономической стратегии также вызвала поддержку тех, кто был готов признать ее нормальной партией правого толка.

Сегодня ПСР и ее лидер Эрдоган рассматриваются как явные примеры популистской угрозы демократии. Такая смена восприятия связана не

столько с проявлением прежде скрытой исламистской повестки, сколько с разворачиванием тенденции поляризации общества. Партийные идеологи первоначально объясняли эту тенденцию необходимостью защиты от оппозиции, которую составляли будто бы авторитарные светские силы, чуждые культурному универсуму Турции и враждебные правительству, избранному большинством населения.

ПСР, как и РП в 1990-х гг., стала использовать язык политики признания, чтобы подчеркнуть неблагоприятную позицию мусульманского большинства в условиях республиканского светского правления. Именно популистские победители изображали жертву и представляли большинство как меньшинство, которое подвергается несправедливому отношению. Именно эту стратегию описал Ян-Вернер Мюллер в своей работе «Что такое популизм» (What is Populism?). Однако в контексте периода, о котором идет речь, когда политика идентичности широко использовалась как правыми, так и левыми политическими силами, многие рассматривали этот элемент дискурса ПСР как демократический призыв к признанию культурных различий, который оценивался как легитимный противовес универсализму секуляристской пози-

>>

Фото: Айше Бугра.

ции. Более того, в то время политика идентичности ПСР распространялись также на этнические меньшинства Турции. Она обещала признание их культурных особенностей, которые ранее замалчивались даже на уровне дискурса. На некоторое время политика идентичности такого рода помогла партии заручиться поддержкой различных сегментов населения, включая левых либерально настроенных интеллектуалов и некоторую часть курдского населения.

Проблемы, укоренённые в партийной политике различия социальных групп, проявились гораздо позже, почти через десять лет после прихода к власти первого правительства ПСР. Тогда стало ясно, что дискурс ПСР противоречит ее действиям. Если дискурс ПСР продвигает признание культурных различий как критерия социальной справедливости, на самом деле на практике партия и ее лидер монополизируют права на репрезентацию интересов всех групп населения.

> Политика идентичности правых

Современное политическое развитие Турции вновь делает актуальным вопрос, сформулированный Шери Берманом: «Почему политика идентичности более благоприятна для правых, чем для левых политических сил». Эрик Хобсбаум предупреждал нас еще в 1996 году в статье, опубли-

кованной в *The New Left Review*, что национализм является единственной формой политики идентичности, которая находит отклик у большинства граждан государства, и «эту политику всегда монополизирует правые, особенно когда они находятся у власти». В случае ПСР успешное использование языка политики идентичности, в конце концов, трансформировалось в определенную форму национализма, при котором оппозиционные партии представляются как угроза национальным интересам Турции. Этот тезис можно проиллюстрировать, например, речами, произнесенными партийными лидерами во время избирательной кампании 2015 года.

После трёх референдумов 2007, 2010 и 2017 годов произошли и другие изменения. С одной стороны, как мы показали выше, дискурс сместился от признания культурных различий к языку национализма. С другой стороны, произошли существенные институциональные изменения. Турция показала, что в наше время популизм сопровождается референдумами. Современный подъем популизма и глобальный феномен распространения референдумов как формы принятия политических решений могут вкуче интерпретироваться как отражение широко распространенного народного недовольства репрезентативной демократией. Оба эти феномена — популизм и референдумы — вызывают опасение в либеральных кругах как

формы проявления народного суверенитета, не ограниченного системой сдержек и противовесов. В Турции референдумы сыграли существенную роль в постепенном уничтожении бюрократических и правовых ограничений исполнительной власти и в установлении президентской системы правления, при которой избранный президент обладает огромной властью в сфере принятия решений.

Необходимо отметить еще одно крайне важное обстоятельство. Включение Турции в глобальную рыночную экономику остается важным фактором, ограничивающим применение избранным правителем абсолютной власти. Недавний валютный кризис в Турции продемонстрировал, что нарушение закона и отказ в автономии центрального банка приводят к эрозии доверия инвесторов и наносят серьезный ущерб экономике страны. Теперь стало ясно, что кризис невозможно преодолеть повторяющимися отсылками к проидам врагов. Авторитарные популистские политики стали признавать, что их правление вступает в конфликт с нормальным функционированием рыночной экономики. Мы находимся в состоянии неопределенности и не знаем, какие изменения политики и экономической стратегии ждут нашу страну в будущем. ■

Адрес для связи: Айше Бугра <bugray@boun.edu.tr>

> Правый популизм в Латинской Америке

Личный интерес превышает социального блага

Рамиру Карлос Умберту Кагиану Бланку, Университет Сан-Паулу, Бразилия; Наталия Тереза Берти, Университет Розарио, Колумбия

Протесты в Аргентине. Фото: Рамиру Карлос Умберту Кагиану Бланку.

Товарный бум 2000-х годов позволил правительствам Аргентины и Бразилии следовать политике ре-индустриализации и социальной интеграции. Эти правительства вновь национализировали стратегические промышленные компании, частично ввели регулирование рынка труда, установили черту минимального дохода, усилили политику общедоступного образования, поддерживали займы на строительство жилья. Все эти и другие аналогичные меры способствовали росту средних классов и преодолению бедности значительных сегментов населения. Однако эти меры поддерживались экономическим возрождением и привлечением значительных потоков инвестиций. Кризис 2008 года проявил хрупкость тех преимуществ, которые за время подъема накопили средние классы. В тот же год прозвучали авторитарные и призывающие к социальному исключению призывы движений *saceroleros* в Аргентине и *paneleiros* в Бразилии

(«кастрюльные протесты»). Эти движения сыграли существенную роль в снижении популярности Кристины Фернанды Киршнер и Дилмы Русеф и в дальнейшем подъеме право-популистских правительств.

В марте 2008 года в Аргентине несколько групп, связанных с экспортом зерна, инициировали серию протестов и блокировали дороги, реагируя таким образом на новый налог, призванный снизить дисбаланс между крайне конкурентным аграрным сектором и отстающими промышленными отраслями. Волна забастовок в сельскохозяйственных регионах страны привела к тому, что некоторые городские поселения оказались на грани продовольственного кризиса.

Так началась серия «самоорганизованных» демонстраций с участием средних и высших классов в Буэнос-Айресе, которые распространялись по другим городам и сопровождались грохотом кастрюльных и

сковородных крышек. К 2012 году кастрюльный протест приобрел массовый характер, но затем постепенно пошел на спад. Эти демонстрации (известные под названиями #13S, #8N, #18A, #8A, #13N и #18F¹) стали выразителями недовольства самими разными сторонами жизни. Люди протестовали против коррупции и нехватки свободы, требовали универсального детского пособия и проч. Все эти требования выражались с помощью агрессивных криков и плакатов, агитирующих против президента и правящей партии.

В мае и июне 2013 года демонстрации, требующие введения бесплатного муниципального транспорта в Бразилии, переросли в протесты среднего класса против проведения в стране первенства мира по футболу и прекарной занятости в сфере социального обслуживания. В 2015 и 2016 гг. протестами были охвачены практически все бразильские города. Движения изменили свою повестку и стали агрессивно высту-

пять против президента Дилмы Русеф и Партии трудящихся, а также против социальных программ, действующих с 2002 года. Лозунги этих манифестаций включали призыв к импичменту президента, фашистские предложения по возрождению диктатуры и публичную враждебность к левым политическим силам. Несколько групп прямо призывали к «немедленному военному вмешательству».

Средние и высшие классы выступили против сокращения социального разрыва, т.е. против той цели, которой стремилось достичь оба правительства, стараясь регулировать рынок труда и вводя антикризисные программы. Мелкие и средние предприниматели противостояли усилению влияния рабочего класса, саяяриат не хотел отказываться от своих привилегий, в том числе от возможности нанимать прислугу на теневом рынке труда. Протестующие отождествляют социальную политику с коррупцией, в которой, как они считали, погрязли люди и государство. Они стараются нормализовать неравенство и легитимировать бедность, обращаясь при этом к категории «меритократии», и объясняют неудачи личными качествами человека – ленью и отсутствием квалификации. Эта идеология сопровождается «теологией материального благополучия», с помощью которой Церковь пятидесятников утверждает, что индивидуальные усилия экономически компенсируются Господом, а также так называемыми «антрепренёрскими» дискурсами.

Это движение началось как жестокое осуждение коррупции, в которой обвинялись Киршнер в Аргентине и Партия Трудящихся в Бразилии. Обвинения носили манихейский и селективный характер. Коррупция описывалась как следствие личностной трансформации лидеров. Такое недовольство породило несколько фундаменталистских теорий. При этом структурный характер коррупции не анализировался, и взгляд на эту проблему был весьма избирательным в обоих обществах.

Фундаментализм определяется представлением о том, что существует уже обнаруженная истина, которая не подлежит критике или обсуждению. Антикоммунистический фундаментализм возродился в Бразилии и Аргентине под личиной *antichavismo*. В качестве угрозы в настоящее время представлены «венесуэлизация» и «боливарианизм», которые, в самом общем виде, описываются как любые попытки усомниться в основаниях «западного капитализма» и «традиционной семьи». Антикоммунистические фундаменталисты противопоставляют сокращению социального и гендерного неравенства. Их протест перерастает в ненависть к бедным, феминистам, геям и темнокожим гражданам Бразилии и тем, кого называют *villeros* (жителям трущоб) в Аргентине. Все эти категории людей обвиняются в том, что они являются некомпетентными, невежественными или продажными.

Эти протесты и вдохновляющие их фундаменталистские представления создали возможности для популяризации ультралиберальной идеологии, унаследованной от Австрийской школы. Как показывает бразильский исследователь Карапана, австрийская экономическая теория держится на двух основаниях: представлении о «минималистском государстве» и *pacta sunt servanda*, согласно которому объем гарантированных гражданам прав должен быть согласован политическими партиями. Эти идеологии порождают упрощенную дихотомию своего рода, при которой левая позиция отождествляется с государственным принуждением, а правая — с рыночной свободой. В первом случае «равенство» представляет собой угрозу обществу, а вторая позиция провозглашает понятие «свободы», трактуемое как «отсутствие государства».

Второй аспект конструирования правового популизма – это брак по расчету между ультралиберализмом и фундаменталистским христианством во всех его версиях. Атака на государство – это общая отправная точка для этих убеждений, поскольку

государство «ограничивает степени свободы» и одновременно «ограничивает патриархальную власть», обеспечивая государственную интервенцию даже в сферу частного образования. Альянс между НКО, защищающими ультралиберальные ценности, и неопятидесятническим религиозным движением привел в Аргентине и Бразилии к миксу атаки на социальную политику, государственную интервенцию в экономике, осуждений «гендерной идеологии» и обвинений учителей в том, что они занимаются «индоктринацией учащихся» в школах.

Бразильский социолог Камила Роха утверждает, что успех субъективного режима ненависти, который утвердился в дискурсе, препятствует развитию аналитики и демократическому диалогу. Распространение режима ненависти может быть объяснено использованием новых технологических средств, расширением пространства, которое гегемонные медиа выделяют таким идеям, и их капиллярной инфильтрацией в традиционные политические организации, такие как НКО и политические партии. В обществе наблюдается консенсус в отношении правозащитной повестки. Большинство считает, что на предыдущем историческом этапе, после возвращения к демократии в обеих странах (в Аргентине — в 1983 г., в Бразилии — в 1986 году) права человека были восстановлены. Согласно этой точке зрения, правозащитная повестка и борьба против социального неравенства в настоящее время неактуальны. Такой консенсус на самом деле утвердился в этих обществах благодаря сознательным усилиям идеологов, с помощью ложных постулатов, упрощенных объяснений и массивному потоку «фейковых» новостей. ■

¹ Соответственно, события 13 сентября и 8 ноября 2012 года, 18 апреля, 8 августа и 13 ноября 2013 года, 8 февраля 2014 года.

Адреса для связи:
Рамиро Карлос Умберто Кагиану Бланку
<ramirocaggianob@gmail.com>
Наталия Тереза Берти
<natalia.berthi@uorosario.edu.co>

> Радикальный национализм

как новая польская контркультура

Юстына Кайта, Вроцлавский университет, Польша

Марш, организованный националистами в День независимости. Варшава, Польша, 2011. Фото: Википедия. Лицензия Creative Commons.

Рост поддержки националистических и правых партий стал предметом интереса социологов и политиков демократического крыла во многих странах в течение последних лет. В Польше радикальные националистические организации стали более активными, начиная с 2015 года, когда консервативная партия «Закон и Справедливость» (ЗиС) победила на парламентских выборах. Аналогичный процесс подъема националистических дискурсов наблюдается во многих странах Европы и за ее пределами. Мы становимся очевидцами того, как радикальные правые партии привлекают голоса избирателей, разворачивая мобилизацию вокруг таких тем, как миграция и суверенитет.

Какие идеи продвигают сегодня радикальные польские националисты? Что означает лозунг борьбы «За

великую Польшу»? Чтобы ответить на эти вопросы, я провела исследование националистических организаций Польши. Я проводила биографические нарративные интервью с членами этих организаций, поставив перед собой задачу проследить жизненный путь, приведший их в эту организацию, а также их мотивацию и мировоззрение.

Анализируя то, как националисты описывают себя и свою деятельность, я выделяю четыре основных дискурсивных категории. Во-первых, они идентифицируют себя как воспитатели новых поколений патриотов, которые знают историю Польши и продвигают правильную политическую интерпретацию этой истории. Во-вторых, они видят в себе защитников и (вос)создателей польской идентичности, ядром которой является традиция и католические ценности. В-третьих,

националисты являются несистемными активистами, которые сопротивляются «системе». При этом «система» понимается ими довольно широко – как Европейский Союз, политический истеблишмент, политика после 1989 года и либеральные медиа. В-четвертых, они представляют себя как социально и политически активные граждане, которые (по контрасту с большинством польского общества) заботятся о возможных угрозах и отдают себе отчет в их существовании.

Исследование нарративов с членами националистических групп и материалов, опубликованных на сайтах этих организаций, позволяет прийти к выводу, что современное националистическое движение в Польше является контр-постмодернистским. Оно находится в оппозиции к либерализму и обращено к традиции. Его можно

рассматривать как особую антилиберальную контркультуру, направленную против истеблишмента, анти-ЕС и анти-гетерогенную. Современные польские националисты считают, что в обществе господствует леволиберальный дискурс и соответствующая политика, против которых они борются. Если контркультура 1960-х гг. вдохновлялась прогрессивными лозунгами, то сейчас мы наблюдаем обращение к прошлому (вернуться к которому невозможно), которое трудно себе представить, если принять во внимание все социальные изменения, которые произошли с тех пор. Еще одной выразительной особенностью этого движения является тот факт, что правительство партии ЗиС, судя по всему, также является ее частью. В рамках этой контркультуры нет точного определения того периода прошлого традиционного порядка, к которому должно вернуться польское общество. «Прошлое» работает как абстрактное понятие, оно не представлено в виде конкретной точки отсчета. Современное националистическое движение является внесистемным. Оно бросает вызов нынешнему политическому классу

Польши. Оно утверждает, что трансформация польского общества после 1989 г. была недостаточно глубокой (отмечая при этом недостаточную декommунизацию и легкость транзита прежней политической элиты в национальную элиту). Участники движения объединены культурными практиками, идентичностью и политическими взглядами, а не экономическим положением. Их объединяют следующие позиции. Во-первых, их роднит ощущение угрозы ценностям, которые, по их мнению, составляют основу европейской цивилизации и принадлежности к общности поляков (нации, религии, традиционной семьи, истории). Во-вторых, для них характерно убеждение в том, что политическая сцена полна лицемерия. В-третьих, они считают, что суверенитет польской нации ограничен.

Реальность видится ими в категориях жестких дихотомий. На самом общем уровне, как они полагают, мир разделен на «добро» и «зло» (см. табл.1). На полюсе добра находятся самые важные ценности, которых придерживаются националисты: европейская цивилизация, религия

(христианство), нация и семья. Ценности описываются как относящиеся к традиции, сообществу и моральному порядку. Они считаются врожденными, естественными, вечными, а значит, реально существующими. Кроме того, в дискурсе националистов обнаруживается пара неразлучных категорий, а именно: 1) польская нация и католическая вера и 2) европейская цивилизация и христианство. Эти категории иллюстрируют центральность религии в польском национализме. На полюсе зла обнаруживается либерализм, который позиционируется как противоположность традиционному мировоззрению и идентификации, прежде всего, с Европейским Союзом. Наряду с материализмом, релятивизмом и эгалитаризмом либерализм рассматривается как дискурс и политика, разрушающие прежний порядок и приводящие к дезинтеграции сообщества. В противоположность «хорошим» категориям «греховные» изобретены или привнесены насильственно внешними силами или группами. В рамках такой реальности политический класс, Европейский Союз, гомосексуалы и беженцы оказываются главными врагами. Они

Таблица 1. Дихотомичный взгляд на реальность в дискурсе националистического движения

ДОБРО традиции, сообщество, порядок	ЗЛО либерализм, эгоизм, вырождение
Европейская цивилизация (истинные, вечные, глубинные традиции)	Либеральная демократия (ЕС как режим, тоталитаризм, враждебность, чуждость, лживость, опасность)
Непреложные христианские ценности (католическая вера, источник нравственности, естественность)	Идеология Просвещения о правах человека и релятивизме (искусственность, отсутствие объективной истины)
Национальное сообщество (органическое целое, иерархия, свобода, суверенность, порядок)	Космополитический хаос и эгалитаризм (материализм, мифологизированный/надуманный эгалитаризм, упадок сообщества и порядка)
Традиционная семья (здоровье, сообщество)	Либеральная/левая модель отношений (политики, медиа, феминистки, гей-лобб; болезнь, вырождение, пагубность)

Источник: анализ 30 биографических нарративных интервью с представителями трех организаций: «Общество польской молодежи», «Национальное возрождение Польши» и «Национальный радикальный лагерь». Интервью собраны в 2011–2015 гг. Кроме того, анализировались материалы, опубликованные на официальных сайтах этих организаций.

Марш, организованный националистами в День независимости. Варшава, Польша, 2015. Иллюстрация: P. Drabik (Flickr) (права пользования ограничены)

персонифицируют те характеристики и феномены, которые трактуются как вредоносные и угрожающие образу гомогенной, сплоченной и суверенной нации.

Радикальный национализм основан на двух выраженных эмоциях: чувстве неопределённости и гордости. Если принять во внимание происходящие изменения в политическом, экономическом и культурном контекстах на уровне государства, европейском и глобальном уровнях, можно утверждать, что неопределённость сама по себе является тем чувством, которые испытывают очень многие. Само по себе чувство неопределённости не является достаточным основанием для формирования националистического взгляда или участия в националистическом движении. Однако радикальный националистический дискурс, связанный с дихотомичным видением мира, может показаться ответом на повседневные проблемы, включая те из них, которые связаны с трудностями сохранения хорошей работы, приличного жилья, и уровня жизни. Рассказы об опасных беженцах, которые насаждают свою культуру и перехватывают у местного населения работы и социальное жильё; рассказы о сексуальных меньшинствах, развращающих

детей; о международных корпорациях, которые эксплуатируют польских работников и о либералах, которые намеренно атакуют польские традиции и ценности... Все эти сюжеты находят отклик у некоторых сегментов польского общества. Эти дискурсы предлагают простые ответы и точные системы отсчета — они справляются с грузом неопределённости, перерабатывая его в неприязнь в отношении изобретенных врагов. Национализм опирается также на чувство национальной гордости. Это чувство проявляется как протест против периферийной позиции Польши в мировой системе. Исследование электоральной поддержки партии «Закон и справедливость», проведенное Мацеєм Гдулей, также показало, что радикальный национализм является определенным способом поиска символического значения Польши и сопровождается призывами «поднять Польшу с колен». У националистов существует сильная потребность чувствовать свое превосходство перед другими и построить лучшую нацию — исторически укорененную и осознавшую свою миссию.

Каковы перспективы националистической контркультуры? Насколько высоки шансы ее доминирования в польском обществе? С одной сто-

роны, можно утверждать, что радикальный национализм не утратит поддержки в ближайшем будущем, и довольно трудно представить, какой дискурс может заместить его и представить простое объяснение сложности современного мира. Более того, националистические организации маршировали бок о бок с польским правительством в День независимости 11 ноября. С другой стороны, представители оппозиционных либеральной и левой позиций, несмотря на менее благоприятный для них политический контекст, все еще являются заметными и активными в польском обществе. Один из недавних показателей их привлекательности — результаты местных выборов. Хотя ЗиС в целом получил наибольшее число голосов избирателей в региональных правительствах, жители крупнейших польских городов отдали больше голосов либеральным кандидатам, чем электорат других территорий. В ближайшие несколько лет мы можем ожидать роста напряжения и конфликтов между культурными дискурсами, а не победу радикального национализма в общественном дискурсе. ■

Адрес для связи: Юстина Кайта
<juskajita@gmail.com>

> Вдохновляясь трудами Марии Яходы

Йоханн Бахер, Университет им. Иоганна Кеплера в Линце, Австрия; **Юлия Хофманн**, Палата Труда, Вена, Австрия; **Георг Хубманн**, Институт им. Яходы и Бауэра, Австрия

Мария Яхода в 1937 г. Фото из Архива истории социологии в Австрии (AGSÖ).

В 2017 году авторы данной статьи занимались подготовкой к публикации до сих пор фактически неизвестной докторской диссертации известного австрийского социолога Марии Яходы, которая написала ее в конце 1931 года под руководством Карла и Шарлотты Бюхлер. В 1932 году эта диссертация была одобрена Университетом Вены. Эмпирическое основание исследования составляют 52 качественных интервью с жителями *Versorgungshäuser* — своеобразных домов для престарелых, бедных и больных людей в Вене. Интервью и диссертация предлагают чрезвычайно выразительную картину угнетающих жилищных условий рабочего класса во второй половине XIX века и первых десятилетиях XX века.

Одновременно Яхода участвовала в другом гораздо более известном проекте: «Мариенталь — социография сообщества безработных», которое она опубликовала в соавторстве с Паулем Лазарсфедом и Хансом Цайселем. Отчет по этому проекту она написала летом 1932 года.

В 1937 году австрофашистский режим вынудил Яходу срочно покинуть Австрию, ее отъезду предшествовало тюремное заключение. Социал-демократическое движение, в котором Яхода принимала активное участие, было запрещено австрофашистами в 1934 году. Только международное вмешательство позволило ей скрыться.

Сначала Яхода переехала в Великобританию, где она принимала участие в нескольких прикладных социологических исследованиях, в том числе, по внедрению схемы производства продуктов первой необходимости в угледобывающем регионе Уэльса, где наблюдались высокая степень безработицы. В 1945 г. она переехала в США, где получила позицию в исследовательском отделе Американского еврейского комитета, где она также занималась эмпирическими исследованиями. В конце 1947 г. она перешла на работу в Бюро прикладных социальных исследований Колумбийского университета и начала активно и плодотворно сотрудничать с Робертом Мертоном. В 1949 году она стала ассоциированным профессором, а в 1953 г. — полным профессором социальной психологии в Университете Нью-Йорка. В 1958 она вернулась в Англию по личным причинам и стала профессором Брунельского Университета. В 1965 году она приняла приглашение стать полным профессором социальной психологии в Университете Суссекса, который только открылся в то время. Яхода скончалась в Англии в 2001 г. На родине ее выдающиеся достижения получили признание очень поздно, в конце 1980-х гг. После войны она хотела вернуться в Австрию, но не получила никаких приглашений на работу.

Мария Яхода имеет более 250 публикаций, которые относятся к различным тематическим полям: занятости и безработице, установкам и их изменениям (особенно в отношении к антисемитизму, конформности и авторитаризму), общественному здоровью, методологии эмпирических исследований и психоанализу. Значительное число обзорных статей, опубликованных ею в профессиональных журналах, демонстрируют живой интерес исследовательницы в различных научных полях.

> Чему можно научиться у Марии Яходы

Чему нас может научить знакомство с научной работой и биографией Марии Яходы? Как социальные ученые, политически вовлеченные граждане и авторы проекта мы бы хотели отметить, что рассуждения на эту тему продиктованы нашим собственным профессиональным опытом. Один из нас является полным профессором социологии в университете, другой работает в аналитическом центре, а третья — в Австрийской палате труда. Мы различаемся по возрасту и гендеру. При этом в нашем

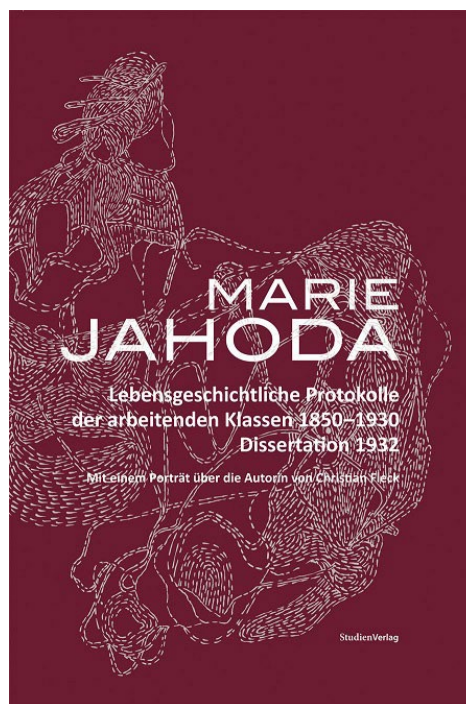
>>

опыте есть кое-что общее. Мы все изучали социальные науки (социологию и социальную экономику) в одном и том же университете и стремимся содействовать решению социальных проблем и снизить уровень социального неравенства.

Первый урок, который мы извлекли из научной работы Яходы и ее биографии заключается в том, что мы должны изучать проблемы реальной жизни людей. Это означает, что исследователь лично вовлекается в изучение социальных проблем. Биография Яходы предлагает много хороших примеров такого отношения к профессии. Такая вовлеченность стимулирует исследовательскую работу и именно об этом говорит Яхода в своих текстах, посвященных методологии, подчеркивая, что личная вовлеченность позволяет лучше понять социальные феномены и даже может помочь в поиске решения этих проблем. Яхода подчеркивала, что научные вопросы, сформулированные на уровне абстракции, не всегда полезны для определения и решения социальных проблем. Эта позиция не нова и характерна не только для Яходы. Мы все знаем, что решение социальных проблем — непростая задача.

Во вторых, опыт Яходы показывает, что анализ социальных проблем и социального неравенства требует интереса к различным научным полям и кооперации с различными научными дисциплинами. Междисциплинарная конкуренция не является плодотворной, поскольку социальные проблемы не распределяются по научным полям. Работы Яходы пересекают дисциплинарные границы; ее междисциплинарный подход развивается на пересечении социологии и психологии. Особенно плодотворным является ее понятие нередукционистской социальной психологии. Это понятие позволяет ей исследовать социальную реальность комплексно, связывая социальную структуру и личность (объединяя психологическую и социологическую оптику). Одной из задач нередукционистской социальной психологии является анализ опыта, порожденного социальным институтом, того, как интерпретации этого опыта влияют на поведение людей и наоборот. Пять латентных функций занятости, которые выделила Яхода, является до сих пор отличным примером этой связи. Исследовательница показала, что занятость является социальным институтом, который является особым опытом, удовлетворяющим базовые потребности человека. Во-первых, занятость структурирует день; во-вторых, активизирует людей; в-третьих, расширяет социальный горизонт, выводя его за пределы семьи; в-четвертых, вносит вклад в достижение более высоких коллективных целей; в-пятых, обеспечивает социальную идентичность и статус.

Представление об этих пяти латентных функциях и их связанности с базовыми человеческими потребностями до сих пор значимо для анализа социальных изменений, по крайней мере, в западных странах. Мы должны чаще задавать себе вопрос о том, как социальные изменения влияют на возможности людей удовлетворить свои базовые потребности. Согласно методологическим принципам Яходы, такой анализ должен быть основан на изучении повседневного опыта людей и учитывать их по-

Обложка диссертации Марии Яходы (1932 г.), опубликованной в 2017 году издательством StudienVerlag: Marie Jahoda *Lebensgeschichtliche Protokolle der arbeitenden Klassen 1850–1930* [Отчёт о социальном положении рабочего класса, составленный на основе жизнеописаний, 1850–1930], ред. Йохан Бахер, Вальтрауд Каннонир-Финстер, Майнрад Циглер.

требности. Такой подход позволит сделать наш анализ более жизненным, а наши результаты более убедительными (см. обсуждение деятельности аналитических центров в [ГД 8.2](#)). И тогда наши результаты смогут найти отклик у более широкой аудитории и стимулировать общественную дискуссию (отметим, что не все должны соглашаться с нашими выводами и предложениями).

И, наконец, наши исследования должны фокусироваться на развитии человечества. На наш взгляд, в последнее время социальные науки в основном изучали общественные причины, тормозящие развитие человечества. Но такие исследования, хотя они крайне важны и необходимы для решения разнообразных насущных социальных проблем глобального общества, часто приводят к негативному или пессимистическому диагнозу. Такой негативный взгляд стал частью идентичности социальных исследователей. Позиция Яходы заключается в том, чтобы более тесно связать проблемы реальной жизни с научной работой, с одной стороны, и формировать более оптимистический взгляд, с другой стороны. Такой подход поможет укрепить роль академической экспертизы в научном и политическом дискурсе в период растущего влияния неолиберальных аналитических центров. Наша аналитика должна помочь частично ответить на следующий вопрос: какие социетальные условия способствуют развитию человечества? ■

Адреса для связи:
Йоханн Бахер <johann.bacher@jku.at>
Юлия Хофманн <Julia.HOFMANN@akwien.at>
Георг Хубманн <georg.hubmann@jbi.or.at>

> Трудовые отношения и социальный диалог в Португалии

Элисиу Эштанке, Университет Коимбры, Португалия, член ИК МСА по рабочему движению (ИК44); ИК по изучению социальных классов и социальных движений (ИК47); **Антониу Казимиру Феррейра**, Университет Коимбры, Португалия

«Революция гвоздик» 25 апреля 1974 года.
Фреска на доме в Лиссабоне. Фото: Кимбл Янг.
Лицензия Creative Commons.

Португалия является полупериферийной страной, которая пережила демократический переход в 1974 году, после длительного периода диктатуры (начиная с 1926 года). Авторитарное *Estado Novo* («Новое государство») было создано в соответствии с Конституцией 1933 года, заложившей правовые основы фашистского корпоративизма, который узаконил государственный контроль над профсоюзами и был основан на репрессиях рабочих.

На протяжении 48 лет господства авторитаризма сопротивление рабочего класса было редким и носило эпизодический характер. Только в конце 1960-х годов стали заметны некоторые организованные группы сопротивления, действующие в рамках корпоративных профсоюзов, что явилось результатом урбанизации, концентрации населения в прибрежных районах, увеличения доступности некоторых государственных услуг, а также роста третичного сектора экономики, открывшего пространство для новой динамики солидарности рабочих (хотя и по-прежнему подпольно). Именно в этом контексте в 1970 году сформировалась существующая и поныне профсоюзная конфедерация *Intersindical Nacional* (Национальное межсоюзное объединение), сегодня известная как CGTP (Всеобщая конфедерация португальских рабочих). Однако в течение всего авторитарного периода (с конца 1960-х годов до революции 25 апреля 1974 года), несмотря на относительную открытость экономики и рост сектора услуг, Португалия оставалась преимущественно аграрной страной. Зарождающаяся промышленность опиралась на низкооплачиваемую рабочую силу в рамках государственного контроля экономики и репрессивно-патерналистского режима, осуществляющего надзор за работниками, профсоюзами и обществом в целом.

Именно Революция гвоздик (25 апреля 1974 года) создала условия для возникновения современной системы трудовых отношений и трудовых прав. Только начиная с этого момента можно говорить о социальном диалоге и трудовом законодательстве в португальском обществе. Кроме того, именно благодаря революционному всплеску социальных и народных движений того периода (1974–1975 гг.) Португалия стала одной из немногих западных стран, открыто принявших социалистический проект, признанный Конституцией 1976 г. Тем не менее, эти конфликтные революционные времена оставили глубокий след в истории страны (как в хорошем, так и в плохом смысле), создав структурный разрыв между противоположными социальными моделями. В политическом поле

>>

этот разрыв воплотился в противостоянии двух антисистемных идеологий. На одном полюсе мы видим радикальных левых, а именно: Португальскую коммунистическую партию (PCP, *Partido Comunista Português*) и ее сторонников. На другом — социал-демократические или либеральные идеологии Социалистической (PS, *Partido Socialista*) и Социал-демократической партий (PSD, *Partido Social Democrata*). Этот идеологический конфликт отразился во взаимоотношениях профсоюзов. Всеобщая конфедерация португальских рабочих (CGTP, *Confederação Geral de Trabalhadores Portugueses*) является «классовым» профсоюзным движением и находится под влиянием коммунистов. С другой стороны, Единый профсоюз рабочих (UGT, *União Geral de Trabalhadores*), основанный в 1978 г., является реформистским и диалоговым профсоюзным движением социал-демократической направленности.

Трудовое законодательство в соответствии с новой конституцией, отражало, особенно на раннем этапе, влияние интенсивной классовой борьбы революционного периода. Конституция институционализировала трехстороннюю структуру на макросоциальном уровне в форме Постоянного комитета по социальному диалогу (*Permanent Committee of Social Dialogue, CPCS*), созданного в 1984 году; позднее в 1991 году ему на смену пришёл Экономический и Социальный Совет (CES). На практике модель общественного диалога и трудовых отношений менялась в зависимости от политической конъюнктуры и динамики властных отношений между социальными партнерами, а также от экономических и социальных показателей. На протяжении последних 30 лет кризисные периоды и влияние мировой экономики стали причиной ряда законодательных изменений, ограничивающих социальную поддержку, в соответствии с общей тенденцией дерегулирования, флексибилизации и сегментации рынка труда.

Недавний финансово-экономический кризис 2008 года оказал сильное воздействие на Португалию, особенно в ходе реализации программы выхода из кризиса (2011–2014 гг.). В этот период в Португалия жила в условиях чрезвычайных мер. Меры жёсткой экономии, введенные Тройкой (Европейской комиссией, Европейским центральным банком и Международным валютным фондом) и старательно проводимые в жизнь предыдущим правым правительством (Социал-демократической партии и Социал-демократического центра), возглавляемым Пассосом Коэльо, усилили социальное неравенство и исключение в контексте социальной напряженности. В это время общественные движения инициировали ряд протестов и забастовок.

Система жёсткой экономии включала в себя социальную организацию и политическую и юридическую институционализацию, направленные на успокоение и стабилизацию рынков посредством бюджетного дефицита и разрушения механизмов социального диалога. Меры жёсткой экономии и неолиберальная «реформистская» повестка соединились со стремлением сократить затраты на рабочую силу и компенсации за увольнение, сделать более гибким график рабочего времени и ограничить силу коллективных переговоров. В частности, в законодательство был внесен ряд изменений, направленных на сокращение социальных выплат рабочему классу. Роль профсоюзов, предусмотренных в Конституции, также была ограничена, вместо этого преимущество было дано трудовым советам и профсоюзам компаний.

В то же время полномочия коллективных переговоров — основной формы регулирования трудовых отношений — были

сильно сокращены из-за ограничений трудовых и коллективных договоров. Коллективные договора в настоящее время объективно благоприятствуют работодателям, поскольку их условия зависят от длительности переговоров, независимо от того, завершились они соглашением или нет. Ситуация с ведением коллективных переговоров в период жёсткой экономии трансформировалась в блокаду этой формы социального диалога путём усиления асимметрии власти между работниками и работодателями. С другой стороны, на макросоциальном уровне Экономический и Социальный Совет (CES) играет важную роль в сворачивании системы трудовых отношений под давлением обязательств, взятых перед Тройкой. Следовательно, эти элементы, растворённые в более широком процессе так называемых «структурных реформ», вряд ли могут противостоять таким решениям без потери политической и юридической идентичности трудового права.

Нарратив жёсткой экономии, характеризуемый рыночным фундаментализмом, делегитимизировал альтернативные определения реальности, блокируя тем самым любые законодательные инициативы, отражающие социальный этос защиты трудовых прав и социальной справедливости. Сами институты и организации социального диалога и гражданства ощущают себя поглощёнными и превращёнными в инструменты легитимации новой программы жёсткой экономии.

После демократического перехода (1974 г.) можно выделить четыре этапа трансформации социального диалога: расширение и сворачивание диалога на макросоциальном уровне между 1970 и 1980 гг.; возобновление социального диалога в 1990-х годах, связанное с процессами европейской интеграции и глобализации; кризис социального диалога, отмеченный участием в развёртывании мер жёсткой экономии и последующих законодательных реформ; и, наконец, текущий момент, когда через парламентские соглашения между правительством Социалистической партии, Коммунистической партией и Левым блоком ось переговоров смещается в сторону парламента с постепенным уменьшением значимости переговорных механизмов (как коллективных переговоров, так и трёхсторонних механизмов).

В заключение следует отметить, что период после решения Тройки открывает пространство для нового политического курса, предлагая новые условия для возобновления социального диалога. По этой причине Португалия сегодня считается контрциклическим примером в европейском контексте, демонстрируя при этом удивительную жизнеспособность альянсов между различными левыми политическими силами. В этой новой политико-трудовой конфигурации речь идёт не только о сторонниках политического курса и движениях социального протеста, но и о различных формах профсоюзных действий, которые способствуют созданию атмосферы, благоприятствующей альянсам и переговорным процессам. Несмотря на сомнения и недоумения, возникшие в связи с этим решением, опыт Португалии показывает, что будущее социального диалога предполагает новые конфигурации социальных акторов, охватывающие политическую и трудовую сферы. Он демонстрирует, что экономическое и финансовое восстановление, несмотря на его сложности, может сочетаться с возрождением социальной политики и политики альянса в представительной демократии, в которой конфликт и переговоры неразделимы. ■

Direct all correspondence to:
Elísio Estanque <elisio.estanque@gmail.com>
António Casimiro Ferreira <acasimiroferreira@gmail.com>

> Представляем бенгальскую команду «Глобального диалога»

Рокея Ахтер

Асиф Бин Али

Мухаммед Юнус Али

Абдулла-Хиль-Мухаймин
Чаудхури

Ишрат Джахан Аймун

Кази Фадия Икбаль

Хабибуль Хаке Хондкер

Хасан Махмуд

Мустафизур Рахман

Хайрун Нахар

Джувель Рана

Туфика Султана

Мухаммед Хелаль Уддин

Рокея Ахтер — консультантка и специалистка по проектам развития в Бангладеш. Область специализации — План действий по гендерным вопросам, питание подростков и устойчивость к изменению климата в целях обеспечения продовольственной безопасности. Учитесь в докторантуре в Университете Дакки в Бангладеш и проводит исследование, посвященное языку, культуре и школьному образованию в Дакке. Окончила магистратуру с отличием по специальности «Социология» в Университете Дакки.

Асиф Бин Али преподаёт социологию в Восточном университете в Дакке и работает помощником редактора в *Daily Observer*, ежедневной англоязычной газете в Бангладеш. С 2017 года работает научным сотрудником в Центральном университете Квинсленда в Австралии. Имеет степень магистра социологии Южно-Азиатского Университета в Нью-Дели, Индия. Исследовательские интересы: национализм, терроризм, формирование идентичности, социология религии и история стихийных бедствий.

Мухаммед Юнус Али — студент факультета социологии Университета Дакки. Научные интересы: гендерные проблемы и развитие, общественное здравоохранение и социализация детей.

Абдулла-Хиль-Мухаймин Чаудхури — специалист по качественным исследованиям рынка, сотрудник *Quantum Consumer Solutions*. Имеет степени магистра и бакалавра социологии Университета Дакки. Исследовательские интересы включают трансформацию моделей религиозных нарративов в их взаимосвязи с социальными представлениями в Бангладеш.

Ишрат Джахан Аймун — преподаватель кафедры социологии в университете Дакки. Получила степени бакалавра и магистра социологии в Университете Дакки. Исследовательские интересы: гендерные отношения и управление продовольственной безопасностью.

Кази Фадия Икбаль получила степени бакалавра и магистра социологии и готовится к получению степени магистра философии. В настоящее время работает в качестве директора по поддержке и в сетевом отделе *South Asia Institute of Social Transformation* [Южноазиатский институт социальной трансформации] (SA/ST).

Хабибуль Хаке Хондкер, PhD (Питтсбургский университет), профессор социологии в университете Заида в Абу-Даби, ОАЭ, и сопредседатель ИК МСА (09) по социальным трансформациям и социологии развития. Исследовательские интересы включают теории глобализации, миграции, государства, гражданского общества, демократии, военных в политике и голода. Публикации: *Globalization: East/West* [Глобализация: Восток / Запад] (SAGE, 2010, в соавторстве с Брайаном Тёрнером), ред. сборника *Asia and Europe in Globalization: Continents, Regions, and Nations* [Азия и Европа в процессе глобализации: континенты, регионы и нации] (Brill, 2006, совместно с Гораном Терборном); ред. сборника *21st Century Globalization: Perspective from the Gulf (Dubai, Abu Dhabi: Zayed University Press, 2010, совместно с Я.Н. Питерсом).*

Хасан Махмуд — доцент Северо-Западного университета в Катаре, PhD по социологии Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, MA в сфере глобальных исследований Университета Софии в Токио, степень бакалавра и магистра социологии Университета Дакки в Бангладеш. Работал приглашённым преподавателем факультета социологии в Университете Болл Стейт в США. Педагогические и исследовательские интересы включают социологические теории, глобализацию, международную миграцию и развитие, политику идентичности и глобальную этнографию. Результаты исследований опубликованы в таких журналах, как *Current Sociology*, *Migration and Development*, *Contemporary Justice Review* и *Journal of Socioeconomic Research and Development*.

Мустафизур Рахман — студент магистратуры факультета социологии Университета Дакки. Получил золотую медаль в 2018 году за выдающиеся достижения в учёбе. Область исследований — медицинская социология и здравоохранение.

Хайрун Нахар занимается терапией речи и языка в *CS Care Limited*. Получила степени бакалавра (с отличием) и магистра в области лингвистики, а также степень магистра социальных наук в области терапии речевых и языковых практики Университета Дакки.

Джувель Рана — исследовательница программы Эразмус, студентка Школы общественного здравоохранения EHESP во Франции. Исследовательские интересы включают влияние загрязняющих веществ, токсичных металлов; веществ, нарушающих работу эндокринной системы и связанных с ними факторов на физическое и когнитивное здоровье детей. Авторские статьи в различных национальных и международных журналах и главы в коллективных монографиях посвящены проблемам гигиены окружающей среды, здоровью женщин и детей, сердечнососудистым заболеваниям, курению, изучению социальных детерминант здоровья и неравенству в области здравоохранения. Является ответственным редактором журнала *South Asian Journal of Social Sciences* [Южно-Азиатский журнал социальных наук] и соучредителем *South Asian Institute of Social Transformation (SAIST)* в Дакке.

Туфика Султана — аспирантка кафедры социологии в Университете Саскачевана в Канаде. Сфера научных интересов: старение и психическое здоровье, социология здоровья и болезней, демография, социальное неравенство, борьба со стихийными бедствиями и исследования уязвимости. Ранее преподавала социологию в Восточном университете в Бангладеш. Работала в Отделе оценки исследований (RED) в BRAC, Бангладеш. Является ассоциированным редактором журнала *South Asian Journal of Social Sciences* и соучредительницей SAIST в Дакке.

Мухаммед Хелаль Уддин — преподаватель социологии в Восточном университете в Бангладеш. Получил степень бакалавра и магистра социологии в Университете Дакки. Работает помощником редактора в журнале *South Asian Journal of Social Sciences* и помощником директора (Отдел исследований и инноваций) в SAIST. Научные интересы: социология окружающей среды, социология здоровья и постмодернизм.